

СМЕНА

14 1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ГАГСКИЙ ГОРНОВОГАТИТЕЛЬНЫЙ КОМБИНАТ НЕДАРОМ НАЗЫВАЮТ УДАРНОЙ КОМСОМЛЬСКОЙ СТРОЙКОЙ.

ПО ПРИЗЫВУ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОДА СЮДА ПРИЙДУТ ВСЕ НОВЫЕ И НОВЫЕ ОТРЯДЫ МОЛОДЫХ СТРОИТЕЛЕЙ, ГОТОВЫХ ОТДАТЬ ВСЕ СВОИ СИЛЫ ДЛЯ ДОСРОЧНОЙ СДАЧИ В ЭКСПЛУАТАЦИЮ ОДНОЙ ИЗ ВАЖНЕЙШИХ СТРОЕК СЕМИЛЕТКИ. ЛИШЬ НЕДАВНО НАЧАЛ РАБОТАТЬ В БРИГАДЕ ПЛОТНИКОВ ВЫПУСКНИК РЕКМЕННОГО УЧИЛИЩА КЮРИЯ ГИРОВ, ПРИЕХАВШИЙ В ГАГ ИЗ ЧУВАШИИ. НО ОН УЖЕ ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ ЗДЕСЬ СТАРОЖИЛОМ И СТАРАЕТСЯ БЫТЬ ДОСТОЙНЫМ ПРАВА НАЗЫВАТЬСЯ УЧАСТНИКОМ УДАРНОЙ КОМСОМЛЬСКОЙ СТРОЙКИ.

Фото В. МИШИНА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

14 ИЮЛЬ 1961

Год издания тридцать восьмой

Первая страница обложки: Виталий Шерстюк — коренной москвич, а Вали Огеева — студентка-заочница Московского нефтяного института. И, возможно, они встретятся на московских улицах. Кто знает? Но сегодня их сдружил нефтепровод «Дружба», где Виталий стал оператором походной радиостанции, а Вали — техником-эксплуатационником.

Фото Г. ДУБИНСКОГО.

Четвертая страница обложки: замедлила свой бег река, точно никак не может налюбоваться красотой обступившего ее леса, и лишь всплески весел лодки да перья трети знаменитого курского соловья нарушают предвечернюю тишину. «Эго русское приволье, это Родина моя» — вспомнились слова народной песни, когда смотришь на сделанный А. СТАНОВОВЫМ фотоснимок одного из чудесных уголков в Куренной области.

Все дальше и дальше уходит в Карпаты трасса нефтепровода «Дружба». Строители делают все, чтобы сдать первую очередь нефтепровода на день открытия XXII съезда партии. Репортаж о трассе и ее замечательных людях смотрите на стр. 4-6.

**СТРОИТЕЛЬ
ПОМНИ!
день открытия
XXII съезда
КПСС —
ПУСК НЕФТЕПРОВОДА.**

ПРОГРАММА ЖИЗНИ

Р. БОРИСОВА,
член КПСС с 1912 года,
депутат VIII съезда РКП(б)

Сейчас меня волнует то же, что и всех вас, мои юные друзья, — предстоящий съезд нашей партии, который примет программу строительства коммунизма, самого лучшего, самого благородного, самого человеческого общества на земле. Для тех, кто работал с Лениным, великая радость — знать, что в нашей стране все идет так, как он предвидел. И, пожалуй, для нас, старых партизнов, грандиозность происшедших сдвигов более зрима и явственна, чем для молодого поколения. Ведь то, что было нашей борьбой и жизнью, стало для вас историей. Вот почему на пороге исторического XXII съезда КПСС мне хочется напомнить вам, в каких условиях принималась программа нашей партии — программа строительства социализма.

Представьте Россию того времени. Заводы чуть дышат. Пороховым дымом тинет со всех сторон. В Москве выдают про сто граммов хлеба на человека. Профессора ходят в университет в рваных домашних туфлях. Чтобы получить палатку, нужна записка самого Ленина.

Окончив в феврале 1919 года Высшую школу ЦК РКП(б) для партийных и советских работников, я вернулся в Пугачев. На уездной партийной конференции меня выбрали делегатом на VIII съезд партии. И вот памятный

день 18 марта. В Кремле, в Георгиевском зале, открылся VIII съезд партии.

Я занял место у прохода в президиум. Хотелось поближе рассмотреть Владимира Ильича.

Появился Ленин. Весь зал — единое дыхание. Владимир Ильич был одет, как всегда, просто. Мне подумалось тогда, что эта простота и подлинность, весь внешний облик Владимира Ильича как бы отражал его внутреннюю собранность, готовность к великому делу.

Съезду, как вы знаете, предстояло принять новую программу партии, утвердить начатое ЦК создание регулярной Красной Армии и принять решения о политике нашей партии в деревне.

19 марта съезд обсуждал партийную программу. Известно, что это обсуждение проходило не гладко. Было много горячих дискуссий, ибо не всем были ясны предстоявшие задачи. Ленину и большевикам-ленинцам пришлось вести настоятельный бой за каждый пункт программы. И только благодаря кипучей ленинской энергии, его настойчивости и прозорливости получали мы тогда такую ясную и целеустремленную программу.

Мне довелось работать в двух комиссиях, созданных съездом. И я видела, с каким вниманием относился Владимир Ильич к выработ-

ке отдельных положений программы. Однажды Ленин появился на заседании комиссии, где обсуждались вопросы, связанные с охраной труда. Объявив, что он зашел на минутку, узнать, как идет работа, Владимир Ильич прочел отредактированный нами текст и тут же внес свои предложения, которые комиссия единодушно приняла.

23 марта в большой комнате, рядом с кабинетом Ленина, собралась комиссия для выработки резолюции об отношении к середняку. В состав этой комиссии вошла и я. На сокращение и согласование трех проектов мы потратил уйму времени. Скоро должно было открыться пленарное заседание съезда, а резолюция все еще не была готова.

Вдруг открылась дверь, и в комнату вошел Ленин в накиннутом на плечи пальто.

— Как дела, товарищи? Луначарский сообщил ему, что резолюция еще не готова. Ильич бегом прочел наши варианты и сказал:

— Не лучше ли будет, товарищи, если мы с Анатолием Васильевичем согласуем недоработанные пункты?

Предложение Владимира Ильича мы с радостью приняли.

Вернувшись минут через двадцать, Луначар-

ский прочитал резолюцию, ценою написанную Владимиром Ильичем. Комиссия единогласно ее утвердила.

В промежуток между парламентскими заседаниями съезда Ильич поздравил со многими делегатами. В числе их была принята и я.

Усадив меня в кресло, Владимир Ильич попросил рассказать, как идут дела в учебном лагере в селах коммунистов, сколько хлеба мы сумеем дать.

— Владимир Ильич, — сказала я с гордостью, — когда крестьян нашего уезда узнали, что я еду на съезд, то прислали сотни килограммов о садове зерна из своих запасов, с тем чтобы послать в адрес съезда эшелон с зерном. Уже собрано два с половиной миллиона пудов хлеба.

На всю жизнь запомнились мне мудрые ленинские слова, сказанные им на VIII съезде: «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч верховокалассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммуно»».

Тогда сто тысяч тракторов казались невыполнимой фантазией. Да и вся ленинская программа поражала неистощимой широтой. Мы были потрясены открывавшимся перспективами, захватывая дух от высот, которые предстояло взять. Ведь только ленинские гоним мы безопиобитно, уверенно загадывать в такую даль.

И вот спустя немногим более сорока лет мы стоим на пороге высшей общественной формации — коммунизма. Сорок лет. Они все про-

шли для меня в работе — партийной, советской, хозяйственной. И я, как и все советские люди, счастливый человек, вот тут мы приближаемся к осуществлению одного ленинского предложения, тем постепенно выполняем второе. И, наконец, настало время, когда с чувством удивления и гордости мы погнали: программа, программа, программа, программа!

Мы намечали в этой программе всемерное развитие производительных сил страны. Сейчас Советский Союз перенял самую развитую страну мира — Соединенные Штаты Америки не только по темпам роста, но и по реальному абсолютному приросту ряда важнейших видов продукции!

Мы стремились обеспечить трудящихся жильем. В настоящее время у нас ежегодно строятся тысячи больше чем в США, Англии, Франции, ФГТ, Швеции, Нидерландах, Бельгии и Швейцарии, востое востях.

Мы призывали бороться с безграмотностью, за всеобщее обучение. Сейчас в Совете задерживать человек учится, а специалятов с высшим и средним образованием больше, чем населения в Дании и Норвегии!

Мы только мечтали о ста тысяч тракторов. А теперь каждую неделю около двух миллионов машин выхают на поля наших совхозов и колхозов.

Мы ратовали за 8-часовую рабочую день. Теперь все заводы и учреждения работают по шесть-семь часов. А к 1962 году рабочая неделя должна превышать 40 часов.

В год VIII съезда мы горько приветствовали

участники первых субботников. Сейчас более двадцати миллионов человек участвуют в градостроительном соревновании за коммунистический труд!

Скоро вся страна будет внимательно изучать проект плана программы партии — документ, о котором мечтали самые смелые умы человечества. Документ, в котором на основе великого опыта строительства социализма в Советском Союзе, побед международного коммунистического и рабочего движения партия даст развернутую характеристику коммунистического общества, наметит пути и методы строительства коммунизма. Разумеется, может быть более мощное и надежное оружие в борьбе за коммунизм, чем мудрые указания нашей программы!

Я обращаюсь к вам, мои молодые друзья, к тем, кто носит на груди значок с профилем Ленина.

Вы идете правильный путь в жизни. Вы страстно мечтаете о подвиге во имя Родины, и это не удивительно: молодость всегда ищет новые, непроторенные пути.

Партия коммунистов указывает людям единственно правильный путь. Партия дает великий смысл — программу строительства коммунизма. Возьмите ее и сделайте программой всей своей жизни.

Смею наде по пути, начертанному партией, и вы узнаете высшее счастье, какое испытает и мы. — внасть, как воплощаться в жизнь самый заветный мечт: так продолжайте же великий поход за коммунизм, начатый Ильичем!

В МОСКВЕ...

Мне тоже хочется поделиться впечатлениями об открытом письме товарищей из дела Москва-Сортировочная. Ведь оно касается всех. Каждый советский человек — а какой бы области он ни работал — должен принять как свое личное дело то, о чем говорится в письме, ибо это наша жизнь.

Каждый день мне приходится иметь дело с молодыми людьми, вступающими в брак. И очень часто среди тех, кто подходит к столу загса, встречаются люди, несшие высокое звание ударников коммунистического труда. Но, к сожалению, бывает и так, что через два-три месяца они снова приходят в загс. Однако теперь на их лицах нет той счастливой улыбки. Молодые люди ниут завлечены с просьбой расторгнуть их брак. Почему? Кто слушался? По уставу работнику загс не полагается задавать таких вопросов, но об этом всегда хочется спросить. Конечно, не из любопытства. Стоят перед тобой молодые люди, комсомольцы, члены коллектива коммунистического труда, того коллектива, где осуществилась формула «работать и жить по-коммунистически». Жить по-коммунистически! Это значит не только повысить культурный уровень и более глубоко, более осознанно относиться к личной жизни. Кто они — послешли? Не разорвались а своих чувствах? Может быть, и то и другое или еще что-то, но только всегда это можно видеть.

Почему продолжение ударников коммунистического труда из дела Москва-Сортировочная — дело очень важное. Общественные советы, созданные которые предлагают авторы письма, должны будут заниматься не только созданием о выполнении производственного плана. Они непременно должны учитывать и то, как же работники коммунистического коллектива оправдывают высокое звание в своей личной жизни и в быту.

М. ПАЛИОНА,
сотрудник загса Московского района
г. Москва.

В ДОНБАССЕ...

Тысячи бригад, цехов, целых предприятий борются сейчас за право называться коммунистическими.

Особенно высокого накала достигла эта борьба сейчас в ходе соревнования за достой-

ную встречу приближающегося XXII съезда партии. Каждый коллектив стремится заслужить почетное звание. Но ударником коммунистического труда можно называться только, кто является подлинным маяком, примером и в работе и в быту.

Мне было очень приятно прочитать в журнале «Смена» письмо работников дела Москва-Сортировочная, которые предлагают новый порядок присвоения лучшим коллективам звания коммунистических. Очень правильно будет создать для этого республиканские и Всесоюзный общественный советы. По-моему, нужно, чтобы собиравлись они для обсуждения вопроса о том, какое предприятие следует признать лучшим, по меньшей мере два раза в год. Обсуждение должно быть широким и проводиться в предвзятые дни с тем, чтобы во время обсуждения — а День советской молодежи и в годовщину Великого Октября — всенародно объявить: такому-то коллективу присуждается звание коммунистического. Уверен, что после этого замечательное движение наших дней за коммунистический труд обретет еще большую силу и значимость.

К. СЕВЕРИНОУ,

Герой Социалистического Труда.

Сталинская область,
Кривской район, поселок
Шахта № 5-б имени Димитрова.

В СТАЛИНГРАДЕ...

Допустим, предприятие выполняет и перевыполняет план, но на качество его продукции жалуются потребители. Достойно ли такое предприятие звания коммунистического? Думаю, что нет. Равно присваивать это звание и тому предприятию, чьи рабочие плохо ведут себя в семье, в общественных местах. Поэтому мне представляется правильным путь: сначала кандидатуры предприятий, борющихся за почетное звание, нужно всесторонне обсудить в комсомольских, партийных и иных наиболее достойные должны представляться на утверждение Всесоюзному обществу совета, который один раз в год будет присваивать почетные звания.

В. БРЕВВА,

депутат Сталинградского городского Совета депутатов трудящихся, свердловский.

**ПРЕДЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ
ДЕЛО МОСКВА-СОТИРОВОЧНАЯ
ПОДДЕРЖИВАЮТ:**

В ИРКУТСКЕ...

Предложение В. Сталинской и его товарищей из дела Москва-Сортировочная очень своевременно.

Вот только один пример. Мы присвоили звание коммунистического труда бригаде Игоря Сорина. И на первый взгляд это было оправдано: бригада выполняла производственную программу на 130—150 процентов, почти все рабочие учились. Но после этого выяснилось, что плотник-бетонщик Рагатаев очень плохо ведет себя в семье, а молодой рабочий Навелин безразлично относится к товарищам по общежитию. Более того, оказалось, что в бригаде бывали случаи срыва производственных графиков, а это резко сказывалось на работе смежников.

Все это, я повторяю, мы узнали уже после того, как коллектив получил высокое звание. А ведь если бы мы заранее обсудили на страницах нашей газеты работу бригады Сорина, мы наверняка бы узнали тех недостатках, которые сделались явными много позже.

В. КАЙОВ,
начальник комсомольского штаба
строительства Иркутского
алюминиевого завода.

Репортаж корреспондентов «Смены»

Г. ДУБИНСКОГО (фото)

и В. БЕЛОЦЕРКОВСКОГО (текст)

ТРАССА УХОДИТ В КАРПАТЫ

Сначала дым и земля, обломки гней вырвались из крутого бока горы, потом надвое расколосся воздух. Когда дым рассеялся, на крутом, оцетинившемся черным лесом утесе, словно рана, зияла длинная желто-серая выемка. Дым, медленно поднимаясь вверх, ильчачьи застревал в верхних угрюмых карпатских елей...

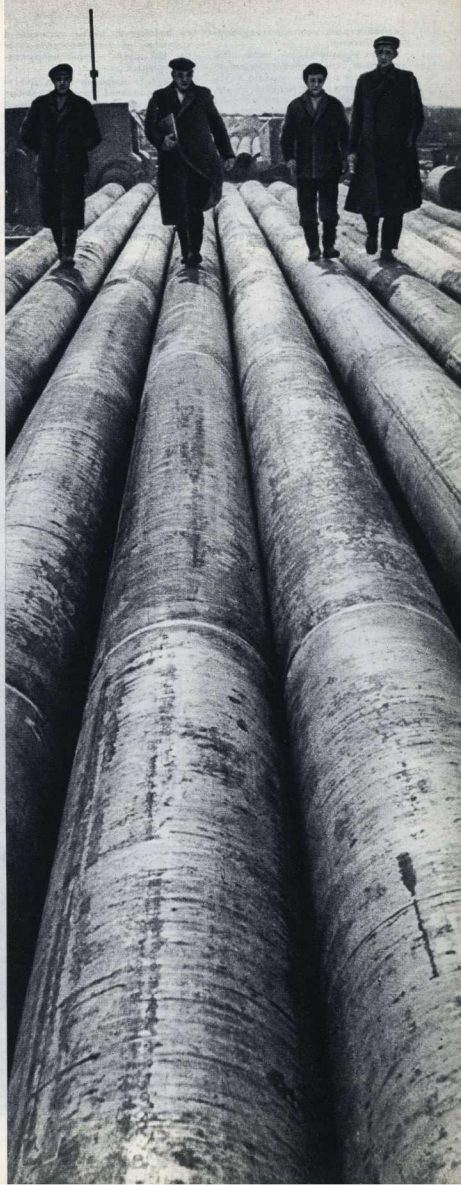
И сразу же началась расчистка. Два бульдозера, то попеременно, то разом, рыла моторами, подкатывали к краю уступа валы серого каменистого грунта и сбрасывали его вниз. Их блестящие, отполированные землей ножи локисили над пропастью. Иногда казалось, что и сами бульдозеры уже начинают крениться и вот-вот вслед за землей сорвутся с откоса. Но земля падала, а машины замирали над краем... Потом эти же бульдозеры тащили наверх,

на распланированную «попку», тяжелый «Ковровец» для рытья траншей. Снизу, из ущелья, они чьм-то напоминали муравьев, медленно, но упорно тянувших свою тяжелую добычу...

Так открылся перед нами один из участков строительной площадки крупнейшего в Европе нефтепровода «Дружба».

Свое путешествие по трассе мы начали там, где сооружаются сейчас сливные эстакады, резервные емкости и сердце нефтепровода — насосная станция. Этот участок будет первой очередью «Дружбы». До этого места заволжская нефть дойдет по железной дороге, а дальше, через Карпаты, насосы погонят ее по трубе.

В дальнейшем трассу протянут и на восток — к Волге, ко «Второму Бку». Общая длина всего нефтепровода достигнет примерно пяти тысяч километров; он будет уступать только строящемуся в

нашей стране нефтепроводу Волго—Савалии.

Этот участок выбран первым не случайно. Если перевозка нефти по железным дорогам вообще обходится дорого, то переброска ее через горы стоит много дороже. Два паровоза, медленно тлущие небольшой состав цистерн,— такую картину часто можно наблюдать на дороге, ведущей к перевалу. Но пройдет немного времени — и цистерны исчезнут с карпатских железных дорог.

...Жалтой полосой земли, изжеванной гусеницами тракторов, рассекает трасса поля и леса, поднимается по холмам к синему небу. На одних участках работа поч-

ти закончена: трубы уложены в траншею, их засыпают бульдозерами. На других — кипит напряженный труд.

Там, где широкая лента Днестра перерезала ровную линию трассы, сооружается воздушный переход. Мы уже много слышали об этом ответственнейшем участке стройки и вот наконец добрались до него.

Ньювский паренек крепко пожимает нам руки.

— Янчак, — представляется он. Степан Янчак — прораб участка. Ему всего лишь 24 года, а у него уже друлэтий стаж работы руководителем!

Янчак родился в Польше. В сорок пятом году вместе с родителями он переехал в Советский Союз, на Украину, окончил строительный техникум, вступил в члены КПСС. Прошедшей зимой он прибыл на пустынный берег Днестра, чтобы развернуть здесь строительство перехода. Их было тогда трое: он, Янчак, плотник Мелинский и бетонщик Величко — кадровые рабочие управленки.

Теперь на обоих берегах Днестра уже возвышаются серые громады анкерных опор, гудят моторы, шумят граблем бетономешалки и напряжено, в две смены, трудится набранный Янчаком в окр-

стных селах большой коллектив, обученный им и сплоченный. Работа идет с большим опережением графика.

А вот другой, не менее ответственный участок — радиостанция на вершине Карпатских гор. Через нее поддерживается связь со всеми участками трассы и одновременно с Москвой и Киевом. Эта станция — маленький зеленый фургон. Он стоит один на вершине, и всего лишь два человека обслуживают его: худощавый юноша и красивая златокудрая девушка. Под ними — Карпаты, воздух — воздух и тишина, и больше нет ничего: ни людей, ни домов... Редкие белые облака, горные вер-

СУДЬБЫ ТРЕХ РАЗНЫХ ЛЮДЕЙ (снизики сверху вниз) — МОНТАЖНИКОВ ПЕТРА СУВОРИКИНА И СТЕПАНА ГАРДУБЕЯ, КРАПОВЩИКА ГРИГОРИЯ ГИДУНА — СОЕДИНИЛА В КАРПАТАХ «ДРУЖБА», И ХОТЯ РАБОТАЮТ ОНИ НА РАЗНЫХ УЧАСТКАХ, ЦЕЛЬ У НИХ ОДНА, ОБЩАЯ — СПЕДИТЬ НЕФТЕПРОВОД КО ДНЮ ОТКРЫТИЯ XXII СЪЕЗДА ПАРТИИ.

МИРНЫЕ ВЗРЫВЫ БУДУТ КАРПАТЫ. ИДЕТ ВОЙНА ЗА МЕТРЫ ТРАССЫ (снимок верхний справа).

СМОТРИТ ГОРЫ, УДИВЛЯЮТСЯ, ПОРАЖЕННЫЕ ВЕЛИЧЕМ ЧЕЛОВЕКА: МАШИНЫ РАБОТАЮТ НА ВЫСОТЕ, КУДА И ЧЕЛОВЕКУ НЕДАВНО БЫЛО ТРУДНО ВЗОБРАТЬСЯ. ЭТО КАРЬЕР СКОЛЕ, СНАБЖАЮЩИЯ ТРАССУ СТРОИТЕЛЬНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ.

шины вдали и деревья на склонах — все застыло вокруг, и, как тихая музыка, непрерывно и мягко льется с неба серебристый солнечный свет.

Кто же они — эти парень и девушка, откуда? Он приехал сюда из Москвы, она — из Новосибирска. Его зовут Юрием, ее — Ларисой, а фамилия у них одна — Сегнь. Поженились они всего лишь пять месяцев назад, перед самой поездкой на трассу. Поженились и поехали. Он — начальником радиостанции, она — ученицей. Скоро она окончит учебу и будет работать вторым радистом на станции.

Радиосвязь в образцовом по-

рядке. За каких-нибудь 10—15 минут Юрий Сегнь соединяется с Москвой или с Киевом — не с радиостанциями, нет, прямо с телефонной сетью; в случае необходимости отсюда можно говорить с министерством или с родными в Киеве.

Время от времени мы проезжаем мимо больших площадок, заваленных штабелями труб. Вспыхивают голубые огоньки электро-сварки. Это так называемый стеллаж. Здесь заводские шестиметровые трубы свариваются в тридцатидесятиметровые «плети». Отсюда «МАЗы» на специальных прицепах развозят «плети» по трассе. Трубоукладчики поднимают

В ТАКИХ КОМФОРТАБЕЛЬНЫХ ВАГОНЧИКАХ ЖИВУТ СОЗДАТЕЛИ «ДРУЖЬИ» (снимок сверху справа). А НА ДВУХ ДРУГИХ СНИМКАХ ФОТОГРАФИРОВАНЫ ГОСТИ СТРОИТЕЛЕЙ — МОЛОДЬЕ ИНЖЕНЕРЫ ИВЛЕВСКОГО ИНСТИТУТА «ГИДРОТРУБОПРОВОД», ПРОЕКТИРОВАВШИЕ НЕФТЕПРОВОД. ТЕПЕРЬ ОНИ СНОВА ПРИЕХАЛИ НА ТРАССУ, НО УЖЕ В КАЧЕСТВЕ УЧАСТНИКОВ АНСАМБЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ НА ЭТОТ СНИМОК: ЛЮДЕЙ НА НЕМ НЕ ВИДИМО, И В ЭТОМ НЕТ НИЧЕГО УДИВИТЕЛЬНОГО: ВСЕ ТРУДЯЩИЕСЯ ИЗОЛИРУЮЩИЕ РАБОТЫ ВЫПОЛНЯЮТ МАШИНЫ. ВРОДЕ ЭТОЙ, ОЧИСТНОЙ, КОТОРАЯ УПРАВЛЯЕТСЯ ВСЕГО ЛИШЬ ОДНИМ ЧЕЛОВЕКОМ (нижний снимок).

их над землей тракторными подъемными кранами, и опять начинают всплывать голубые огоньки: «плетки» сваривают в сплошную «нитку».

За сварщиками идут контролеры. Они облачивают свинные стики кассетами со специальной фотопленкой и подносят с другой стороны к стыку ампулу с радиоактивным препаратом. Гамма-лучи пронизывают металл и доходят до фотопленки. Если в шве образовалась трещина или раковина, на пленке возникнут интенсивно затемненные участки, и «светила», как рабочие называют контролеров, дают команду вырезать бракованный шов и сварить

трубы заново. Но это случается редко, и голубые огоньки обычно без задержки двигаются дальше.

За ними идут изолировщики. На многих участках для изоляции труб вносят битума. Применяют голубую хлорвиниловую ленту. Она ускоряет работу и делает ненужными битум и битумовозы, которая его кладет, и битумовозы, и громоздкие битумоплавильные печи с их адской жарой.

Все дальше в Карпаты уводит нас лента трассы. Грохочут взрывы, ревет машины, всплывают сполохи сварки. С востока и до заката солнце не утихает работа на всей трехсоткилометровой

трассе. Только дождь — а он здесь, к сожалению, частый гость — гасит на время накал работы: мокрые трубы нельзя ни сваривать, ни изолировать. Но как только дождь кончается и трубы просыхают, работа закипает с новой силой.

«Уководить» — это значит предвидеть те случайности, которые могут помешать ритмичной работе — прочли мы как-то на стенке одного из вагончиков, в которых живут строители.

Да, чего-чего, а «случайностей» в Карпатах — выше нормы. Но строителям «Дружбы» не страшны ни дожди, ни болота, ни скалы. Здесь работают испытанные

бульдозеристы, сварщики, трубоукладчики, бетонщики, водители... Здесь собраны отличные механизмы и машины — их столько, сколько нет, пожалуй, ни на одной стройке подобного рода. Лучшие заводы страны шлют сюда свою продукцию — материалы и технику.

На трассе «Дружба» работают сотни молодых строителей. Каждый из них полон уверенности, что коллектив выполнит взятое перед страной обязательство: досрочно, к открытию XXII съезда партии, ввести в строй нефтяную артерию, направить нашим чехословацким друзьям поток «черного золота».

Комсомолец Ирины Ракша — 22 года. Возраст, конечно, небольшой, но жизненного, трудового опыта у нее уже достаточно. В 1956 году, закончив десятилетку, Ирина одновременно работала участницей полевой бригады цехового совхоза «Урожайный» в Алтайском крае. Тогда же она начала писать. Герои очерков и рассказов Ирина — ее сверстники, молодые строители коммунизма. С 1957 года девушка окончательно переехала на путь журналистики. Она сотрудничает в барнаульском радио, в красноярских газетах и других сибирских изданиях. Ирина разъезжает по новостройкам, пишет о славных трудовых буднях своих современников. Пишет просто, эмоционально, со знанием дела.

В настоящее время Ирина Ракша занимается работой над своей первой повестью, посвященной молодым электрификаторам Транссибирской магистрали.

Ниже публикуется один из ее последних рассказов.

Ирина РАКША

Рассказ

Мрепродуктора, что приютился на верхушке прожекторной мачты, на всю станцию Зозарка прозвучала твердый голос диспетчера: «Мотовол! Мотовол! Немедленно освободите основную путь! А то сигнал закрыл! Сигнал закрыл! — А через минуту добавил тише и как-то просяще: — Свиридов! Свиридов! Зайди-ка ко мне. Только живо. Дело тут есть. Слышишь?»

Из окна маневрового паркова, пахнувшего на крышу станции у восточной стрелки, выслушав молодойки закончивший концерт Гошка, Курносов лицо его было желвавым: он не любил, когда его машинисту говорили «живо» или вроде этого.

— Карпыч! Диспетчер тебя, — сказал он. — И чего это к концу смеешь? Маленький, тучный, а старом путевком хителем, Свиридов спустился по крутой лесенке на платформу.

ПОЧЕМУ ОПОЗДАЛ МАНЕВРОВЫЙ

Рисунки Г. НОВОНИЛОВА.

— Не горячи там, — сказала она. — Вернусь, водой заправимся, и шабаш. — И машинист посмотрел на часы.

— А сколько уж? — спросил Гошка (часов у него не было, а паровозные, на пульте управления, не работают).

— Повти поместного, — уходя по платформе, не оборачиваясь, сказал Карпыч.

«Хорошо. Через полчаса смевай», — подумал Гошка.

Сегодня он устал, хотя дел было немного: составили товарняк у лесосклада, подали к элеватору часть вагонов и переждали на соседний разъезд электрообластер для ремонта путей. Устал потому, что третий член из бригады — помощник машиниста дядя Вася — заболел. И уже вторую смену они работали вдвоем с Карпычем. Правда, к ним хотели перебежать Николая Шумдцова. Но Карпыч отказался: «Ничего, и в ослабленном составе справимся. Василья скоро выйдут». И хорошо, что отказался: Гошка недолюбливала этого Шумдцова.

Во-вторых, тот здорово задержал, до всего на пять лет старше. А во-вторых, это — самое главное, за сестрой его бегают. И уже давно. Хотя о женитбе что-то не заявляется. А вчера вечером Гошка слышала, как, стоя у каютки, Николай уговаривал Совку ехать с ним на Восток. Это уж было слишком. Гошка не на шутку разволновалась. Ведь он хозяин в доме, а мать больна, ее приходится выхаживать. Совка же скряпная, молчит. Надо бы ей сказать, что не вылезает с Шумдцовым. Несерьезный он какой-то. Мечется туда-сюда. Раньше помощником машиниста работал. Бросил. Став шпферит, счастья искал. Потом в армию служил, Совка письма писала, и она по ним, дура, сохла. Наконец вернулся. Снова на паровоз пришел. А нынче, когда весь участок их дороги электрифицировали и на станции для машинистов оставили только два паровоза (один «ОВ» на холах, другой в депо), стал учиться на курсах водителей электриков. И последнее время, когда заходил за Совкой на тапцы, небрежно говорил Гошка: «Одна ваша «овечка» на станции, а пакустят, как быльшая. Шпаклоуборщик не поспевают». (Давно ли сам на паровозе работал!) Или спрашивал: «А ты, Георгий, все котегарши?» Беспрерективно».

А Гошка считал по-другому. Работать он начал на паровозе, здесь стал самостоятельным человеком, здесь вошел в жизнь. Была у него мечта — обучиться на машиниста, быть таким же умелым и знающим, как Карпыч. И вообще он думал, что человек должен иметь твердые привычки, а не разбегаться туда-сюда. Конечно, электровож — заманчиво, но с паровоза Гошка уходить не собирался. Работа нужная, хотя и в небольшом масштабе, привычная, и платят хорошо.

А с Шумдцовым он еще поговорит по-мужски. И вообще отходит от дома. Только вот мать жаль и Совку. Им он почему-то нравятся.

Котегарша Гошка третий год. После семилетки решил не поступать ни в техникум, ни в училище. Надо было помогать семье. Сразу пошел на станцию, в управление, просился котегаром к Карпычу. Тогда Гошка был узкокопач, худ, и его бы, конечно, не поставили ни к Карпычу, ни к кому другому, но вступился сам Свиридов. Он сказал, что Гошка — сын их погибшего в войну машиниста, что сейчас один мужик в доме и что спринтаться, работая у него. И Карпыча послушали: старый коммунист, отлученный путевком, он знал, что говорил.

Тогда их паровоз ходил на участке Красноярск — Иркутск. И Гошке пришлось туго. Ой, как туго! Конечно, ходить угля в толку удалось, как делал раньше, ему не приходилось. Существовала стопер-углеподатчик. Но котегару жужка не только сила, а и силовика, умнее. Не так-то просто в пашущей жаром толке удержать нужную температуру, разгрести чутунным шестом красный уголь, удалять горючий, дымящийся шлак и проследить за давлением пара в котле или подпечь воздуха.

Но время шло. И если раньше помощник машиниста дядя Вася мурчал и втыкомолку корил Карпыча за неумелого котегара, то теперь при надобности Гошка мог даже заменить его. Так было и сегодня. Но все же Гошка устал и решила после работы зайти к дяде Васе — узнать, как здоровье и вылезет ли тот к следующей смене.

Рыгачом паредек раздвинул чутунные двери толпки. В горюпек ее через негодным слезом подпыхал уголь. Закоченное лицо котегара озарились красным светом. Карпыч не велел горячить! — и Гошка опустил двери. Потом взял из шкафика мыло, жестовой чайник, спрятав на платформу и пролезая под вагонами, напылился к волокушке. Довну Гошка приходила всегда более или менее чистым, а сегодня еще предстояло зайти к дяде Васе. У волокушки он скинул грязную майку, отвернул края. И под непервой холодной струей из железного хобота стал оттирать черные разводы на руках и шее. Пена затекла за пояс, расплывалась у ног мелочными разводами.

«Электроно! Электроно! Подвоятте состав с лесом на основной путь!» — снова зареагало над станцией. — В 18.00 отправление на Филаномово!»

«Кончай, видно, разговор с Карпычем. Интересно, о чем?» — наливая в чайник воду, похучала Гошка. И, прихватив майку, мокрый, по посылу, побрел обратно.

То, что он увидел, выскочил из-за товариняка с восточной стрелки, поразило его. Из окна паровоза выглядывал Николай Шульцес. С высоты их небольшого маневрового он осматривал станцию. Он махнул Гошке рукой, крикнул:

— Ну, давай скорей! Чего ты там? Тебя ждем!

«Неужели к нам пришла? Но зачем сейчас, к концу смены?» — И Гошка нарочно пошла нитероплаиво, солдано.

Карпыч уже был на паровозе. Гошка поднялась по лесенке в будку. Впоследствии посмотрела на машиниста.

— Подмигивай паре. Виде графика едем, — сказала Карпыч.

— Это куда? — удивился Гошка, ставя чайник в шкафик.

— Филаномово молочный состав унять просит. Прорыв у них. Станция перевержена.

— Но ведь смена же. И устал, — протянула Гошка, сообразив, что вернется она легче из раннего, чем часов через пять.

— И без тебя известно, что смена, — пробурчал Карпыч. — У меня вон сны на побойке. А смена ждуть нельзя. В 18.00, — он взглянул на часы, — это значит через пятнадцать минут, за нами на Филаномово состав с лесом пойдет. А те привить не смогут, если мы не поможем.

— А он чего? — недоумовало крикнула Гошка в сторону Шульцова.

— А я так. За компанию, — засмеялся Николай, не спортивная голыш от окна. — Прокатиться заотел. Давно сажи не похлал.

Гошка отвернулась. Стала натягивать на мокрое тело майку. Вот и случилось то, чего он так не хотел, — в помощника машинисту, а значит, ему, конечно, в нивальники дали Шульцова. Конечно, откуда в диспетчерской знать о личных отношениях? Им дело давай.

Он нитероплаиво выключил стокер. В топке зашуршала уголь. Ну что ж, Гошка, не дожидаясь команды Карпыча и тем более Шульцова, будет делать сам все как надо — ведь трасса ему знакома до каждой мелочи.

— Завесный выходной! — долговито крикнула у левого окна новый помощник (давая Вася так не кричал).

— Визгу зеленый, — отоварился Карпыч.

— А водой заправятся? — виновинила Гошка.

— Никогда. Дотопим. Там заправятся, — ответила Шульцов.

Паровоз дал один короткий свисток. Подняла тормоза, вдохнула и медленно провернула все свои восемь колес. Потом вынул стая серые клубы дыма и, отдуваясь, вышла со станции на основной путь.

До развала Иманчи, что на помутит от Завоеврки к Филаномову, профиль дороги был спокойным, без резких подъемов и уклонов. Сразу за станцией носил пал почти ровным с полями. Пестрыми калдитами шпешница, овса, клевера они тянулись до зубчатой кромки тайги на горизонте. Никогда к семуво паровоз обегались стайки берез, полдсы сосняка.

Гошка любила этот паровоз. Дел немного, и можно сидеть у раскрытых дверей на дощатом потрескавшемся полу, спустить ноги на ступени. Приятно чувствовать, как ветер холодит разгоряченное у топки лицо, как треплет на ногах брички, заправленные в ботинки. Приятно смотреть на солнце, на мелькающие перед глазами опоры, что держат провода над рельсами. Приятно ощутить движение. Чувствовать себя сильным!

— Поедем давайте, что им, — продолжил Николай, вытаскивая из карманов бутерброды, завернутые в газету. — Перед отъездом вот взял. В ларьке.

Карпыч пошел в шкафик, с своей смешной авоське, достал побутылках фруктовой воды — все, что осталось от Звтрака.

У Гошки ничего не осталось. Но есть бутерброды Николай си не хо-

тед, когда был голоден. Он вспоминал: мать наварива шей и ждет его с Сынкой к ужину, а когда узнает, что сын уехал, будет сетовать и качать головой.

— А ты чего ж, Гошка? — спросила за спиной Карпыч. — Присоединийся. Далеко еще.

— Но парево только отмахнувся.

— Георгий у нас почитается, — объяснил Николай. — Им талану Березжит. Ожи с Карпычем посмеялись.

«Вот ведь язал!» — мысленно возмущался Гошка. — И чего Сынка нашла в нем «хорошого»?

Жук смел, Николай смел, сел к оку, выгулял.

— Проклядой элезейный и встречный, — сказала он и дал короткий свисток.

Изданным мягким гудом отозвался встречный электровоз. И вот уже рядом зарыла гудом шестидесятилетний пулымын.

«Вот это ты, а вышко, техника! Чистота! Кабернетка!» — перекрывая шум, закричал Николай. — А шава човечка что? Перешиток! — И он махнул рукой.

Когда грохот встречного состава оборвался, Карпыч недоволено сказал:

— На паровозах вся жизнь, брат, стояла. На них и в революционшам и на брид. Так-то было...

Николай засмеялся.

— Ну вот, сами же говорите «было», а теперь надо гадать, что будет. Привычки к нему, вот и все. Да вам-то простилово. Вам скоро на пенсию. А во что его он дурит — непонятно, — показала Николай на Гошку. — Сто долпат уга даст — девственно пылит искрами в трубу... Он опять засмеялся. — Красный Бригад, Георгий? Особо почиту?

Гошка молчал. «И сколько же у человека охидат!» Едет с тех друзей, до их акомитовне и треплет что пошло. Жаль, Карпыч так ой. Бригады бы даа прикружить.

— А помещине какое, — продолжала Шульцов. — Гривз, копыте. Не шкряпай даа одежд, а так, мусорник. Георгий, колемоский завод, что паровоза выпускал, шидеть теперь какой бы в музей поставил. Можеть, вам предложено, а Георгий?

Гошка молчал, думал: «Как бы ответить Шульцову? Чем бы задеть?» — И оттого, что не выходила сила, досадовала еще больше.

Входной самодур у разьезда Иаиган меридж желтым глазом — это значило, что салудорный сигнал на участке красен.

— Ничего, — сказала Карпыч. — Постымо тут. Время еще есть! — Он посмотрел на часы. — Сейчас 18.15. Из Зоозерки состав с лесом вышел.

А мы уж на полулети к Филимнову.

Иаиган — маленький разьезд с будкой стрелочника, новой школой и десятком вековых рубяных дык. Маневровый свержу на западный путь и, отауявшись паром, точно устал, остановился.

— Да друтую сторону паровоза, — посылался веселый голос Шульцова: — Да, ступай ты, бабка, ступай.

Гошка вылезла, прошла в будку к лоточку угля. Николай стояла на лесенке, а внизу перед ним на шпалах толстая тетка в платке, с мешком через плечо, просила взять ее на паровоз.

— Ступай, бабка. Вылезай покупить наду, — смеясь, говорила Шульцов. — Через час ты будешь поедет. С ним и дождешся.

— Да вету денег на билет, казатак. Пусты! — урчывала тетка. — Говорю же, только торговать едату.

«И что он тут споризражает?» — зло подумала Гошка. — Пусты бы ехала. Жалко, что ей. Дала бы поесть чего. И ей поюза и наме.

А ты, помещине, опять зарыорива.

— Да я бы, по крайности, дала чего. Отлучился еще. Янкия.

— Да ну! — обрадовался Николай. — Значит, дашь чего-нибудь? Вот это дело! — Но тут же посерьезнел, понизил голос: — Нет, бабка. Ты инородный элемент. А у нас рейс стратегический. Никак небыла. Да вон и колесо не зевает... И он кивнул на око, в котором тотчас скрылся обугоривший лицо Гопи.

Торговка, впрочем, снова насмешку, и Гошка слышала, как отходя, она зло крикнула:

— Да вету бивают рейсы на двадках-то драдуделетях?

«За Иаиганом трасса пошла труднее, по холмистым отрогам Свия. Тайга подступала к самому полоту, оставляя лишь неширокую ленточку мелкого насыпью и крайним соснами.

— Да вы не мешайтесь ты, — устало сказала ехт Карпыч. — Пока по лесенке до реки нейд, отдавай манекна. Едет ехат и ехат...»

— Не гадая на Шульцова, Гошка прошла на левые мостки, что зынулись вдоль всего котла, и усеял рядом со звездой, почти на самом носу паровоза. Навстречу бия резкий вечерний ветер, и стальные ленты реялово, повторяя рельеф насыпи, бежали навстречу.

Вперед, в лобные, светлой сияния обозначилась река. И когда паровоз уже проходил по мосту и мимо Гошкиного лица мелькала чужием ригель, он заметил далеко внизу неструю цепочку дык с росяками и приборами на пшечх. «Топографы ли геологи, — подумала Карпыч. — Их тепле в Сибири повою.» И почувствовал свое превосходство — здесь, на паровозе, и скорость, и ветер, а там что...

Сяде по мосткам подползла Шульцов. Оперся о черной котле. Достал лачку пшисро и, прикрывшись пшиджком, чтобы встречный ветер не задул огонь спички, закурил.

— Вот у них, я понимаю, жизнь, — сказала он, когда миновала мост. — Ни тебе торговки, ни тебе ларыков со всякой всячиной. Тайга да горы.

— А чего ты ж на электровоз идешь? — усмеянулся Гошка. — Шел бы в геологи. Им кинька товкая! Им платят хуже?

Теперь он был доволен: наконец-то угазил.

— И пошла бы, — спокойно ответил Шульцов. — Да Софья твоя держит.

— Кого держит? — От возмущения Гошка заморгал бесемыми ресницами. — Да ежай хоть на все четыре!

— Езда уж — Николай глубоко затонулся. — Да вот вернувся. И эти Гошка уже хотела сказать, чтобы Шульцов не посподая у них, отстал а сестры, но вдруг подумал: а может, правда, любит се, — и промолчала, почувстав ответственность за Сынкиню счастье.

— Смотри. Лес, видно, горит, — вдруг сказала Николай. Гошка подняла голову. Из-за холма серым столбом поднимался дым. За Николаем Гошка вернувся в будку.

— Ну, теперь будет хаюот, — вздохнул Карпыч. — Вертолеты, а то и самолеты вышам стаят.

Только не тайга это, однако, — посмотрев внимательно, сказа Карпыч. — Дам-то светай.

Их маленький черный «ЮВ» перевалила через вершину холма, и они увидели то, что их взволновало.

— Ну вот, неподалеку от насши, тора старый стог. И это было бы не так страшно, если бы не ручейки огня, разливившиеся в разные стороны по свежескошенным поласам сена.

Паровоз спускался с холма все ближе и ближе к месту пожара. И тут Гошка сообразила, что стог загорелся от искры, прошедшего шпиреда или красноресного паровоза.

— Карпыч, остановись, а? — вдруг спросила он.

Машинист нахмурился.

— Водой бы заправилась — затушила. А так, пусто.

И, засучив рукав, он показал часы: от состава с лесом, идущего следом, их отаедало полчаса. И эти полчаса они должны были сохранить на Филмновом.

«Как до дель, так ит его», — раздалась Гошка и снова загорелась: — Карпыч! Мы за пшидать управимся. Потом настрим! Не киснет нам моолок. — И вдруг неожиданно добавила: — Смотрите. Человек там!

Идуи все сразу узнали старика обходчика. Лысая голова, белые рукава вышывались. Он шел вдоль одной из полас огня, держае друтик продвинувшейся к асу, и пшиджком сбивал жемте вышыв отог паровоза почти паривавших с ним, и в тот же момент Шульцов сам нажал рукоятку автостопа.

— А за срыв графика я отвечать буду?! — закричала Карпыч и, суянув Николаю в руки संबую лопату, стал первым спускаться на железнодорожные поласы.

— Жаркие языки обжигают Гошкину руку, лицо. Дала застала дым. Паренек ста меж двух ручьев огня и хвойной веткой наотмашив сбивал пламя. Хвоя трещала. Огонь опадал, рассыпался искрами и все-таки пробивался дальше... Пахло жаром, смолой. «Нужно бы отаедало сено собирать», — подумала Гошка и, отбросив ветку, стала охладим таскать сеномью по лопату и опираясь на стог. Лицо обжигало жаром.

Искры жгали плечи, но некогда было думать об этом. Мелькала одна мысль: «Только бы успеть! Только успеть!»

Но вот, бросив очередную охапку у стога, Гошка вдруг почувствовала, как всполох огня лихнула его сбоку и на нем вспыхнула одежд. В испуге Гошка выскочила в тот же момент Шульцов слиб что с нее и придувала к зоме брезентовым панном. В темноте перед Гошкой по палам красные куры. Ости скошенной травы болдо заколали лицо и грудь.

— Пусти, пусти! — задыхаясь, замечала он из-под брезента.

А когда встал и скинул пламя, Шульцов был уже далеко. Сложивая о древо лопату обожженные ладони, он срезала носу дуря, расчищая, не густяте огонь в тайгу. Неподальку Карпыч с обходником тушили пламя своими таломами, намеченными в тендере пшиджками.

«И китея в дель пошла», — подумала Гошка. — Мозолец Карпыч!»

Он схватил пламя и стал накрывать им уже слабеее пламя. Пламя было плотный, широкий, и огонь начал быстро гаснуть.

Квентити Пшбш! — закричала наконец Карпыч.

Гошка вышыва, вержая на него. Лицо, плечи, рукава машиниста были мокрые, красные, перекрывающиеся сажею. Он что-то сказал обходчику и, недоволено разглядывая на ходу обгоревший рукав, направился к паровозу.

— Ааа! Георгий! — крикнула Николай. — А ты, дель, побуж тут. Далеко сорвет не, сорвет, и с лопатой в руках побужа к насыпи.

Обходчик, жгяе дыша, спускался на траву. На белой рубашке его виднелись прожженные отгем дыры, полосы сажи.

Паровоз дала гулок и тронувся. А Гошка, стоя уже в дверях, посмотрела на турову. Черная поаа едра отаедала тайту от места пожара. Стог еще горел, хотя уже оседла, рассыпан по сторонам туши искр. И тут Гошка подумала, что вот таким же фойерерским вылетает искры из трубы их паровоза, что электровозы — это сила, «кибернетика». И еще он подумал, что все они — и обходчик, и Шульцов, и Карпыч, и он! — сделали большое дело.

— Ну вот, Говорня же я, что давно сажи не шюкали, — сказала Николай в вдруг затюкала. — Ты гадая, гадая, Карпыч! Георгий-то кое-что себе прожже. Гольмом тепе.

Гошка посмотрела назад через плечо. Шульцов стоял посредине будкой эконпечной, с обгоревшими бровями и, опустив в ведро с водой обожженные ладони, продолжала смеяться:

— Как же теперь котлар наш в Филимнове-то с посливной штанов поивнется?

Гошка вдруг улыбнулась и подумала, что Николай, верно, совсем неплохой паренек. Вполне достойный Сынки.

Обо всем случившемся на перегоне ни в Зоозерке, ни в Филимнове так и не узнали. Диспетчер, отмечая опоздание маневрового к месту назначения на восемь минут, был недоволен.

морская грозя сильней удар тоном...

Время шло, а океан не унимался. Внезапно набежала грозовая волна, гора сорвала лед и ударила им Тишину по голове... Покры глазами старшины пошли синие круги, и он на миг потерял сознание. Но следующий момент уже снова с ошеломением работал...

Тишину, что случилось? — доносилось, словно издалека, испуганный возглас старшины. — Немедленно назад, в лодку!

— Нескольо сантиметров оста-

лось, доварю... — отозвался молодой коммунист. — Пустни, простая царапина, товарищ командир. Разрешите отступить!

И снова в его руках вспыхнули тонкие маля элетроды. В эти минуты нечисленного напряжения минуты он думал только о том, чтобы сдержать завороженности, спасти товарищей и корабль от грозной опасности. Разъяренная морская стихия гонимая дала на лбу горела огнем, все лицо было залито слезами. Теперь все уже вымоз до тех пор, пока не сварила все разошедшиеся пазы...

НА ПЕХ ЖЕАНОВИХ ТРАСТРАХ

БОЦМАНСКАЯ МЕТКА

Поздно ночью вахтенный офицер вызвал командира сторожевого корабля на мостик. — Что случилось, Василий Степанович?

Вахтенный молча протянул капитану третьего ранга бумажку в районе груди.

— С острова Н. Пролет срочно принесли боцманскую метку, а боцману тяжело заболела женщина.

— Не добавляй после паузы. — Удается ли, Грингарий Романович, при таком ветре подняти туда? Причалов там нет, и накат сейчас сильный, крутой...

— Раздумывать некогда, жизнь человека в опасности, — сказал командир и тут же отдал команду: — Корабль срочно и походу приготовить!

Хмурое штормовое утро застало сторожевик на траверсе острова. Дул порывистый ветер, и над испещренными волнами низко неслись тучи. С мостика были видны синевато-норичевые зубцы скал, о которые гулко билась большая волна. Да, тут действительно ни на шлопта, ни на катере и берегов вплотную не подберешься.

Там что же предпримет? — спросил командир находившихся на мостике офицеров.

— Надо посоветоваться с боцманом... — отозвался замполит Иванов. — У него флотской смекалки и сноровки хоть отбавляй. Обдумай еще, пока не поступит.

Небольшого роста, подвинутый, худощавый боцман Таразанов знал все повадки и условия Тихого океана. Коммунист, отличник, он по заслугам был в числе передовых воинов корабля.

А что, товарищ командир, если спустить вместе с катером понтоны? — предложил он.

— Действительно, — согласился командир. — Назначь как старшина. Слегаче людей, особенно Большую.

— Пойти вместе с Таразановым захватить все свободные от вахты. Но боцман выбрал в опасный рейс лишь двух комсомольцев: старшину первой статьи командира бригады Иванова и старшину второй статьи Федора Чернова. Это были крепкие, натренированные моряки.

— С поветренной стороны сперва спустили катер, а затем понтоны.

Олеты в спасательные жилеты. Таразанов и старшины пошли на остров. Все остальное на мостике с тревогой следили за тем, как утасов суденышко вынесло на гребень волны и исчезает, а следом в водную пропасть. А в это время нечисленного напряжения, выдвинулись слугады людей.

Здесь, там, замризмриван, ссрца наблюдала за отвалившими маншрами морьяков.

Моторист Колобов все ближе и ближе походил на буксире понтона и выбой стеме гребной. Теперь все зависело от сноровки и сметки Таразанова и его подчиненных. Боцман начал отпускать буксир. Плот встал на хребте наката и сирьялся в шипящую пелену. У морьяков на сторожевик перехватили дышанье.

Все обоблос благополучно, Газзозом не подвел боцмана, он выметнул нужное количество трюса понтона с тремя свельчачками и залпал на воде в двух метрах от острых граней скалы...

Началась самая опасная часть операции. На двух трюсах сверху стали осторожно спускаться боцман и старшина. Таразанов не мнуло. Ее рдсначивало ветром и минувшее разбито бы о скалу, если бы не ловкость и натренированность морьяков. Балсансирю, они поднялись на плущущем плоту, подхватили трюсы и привязали к понтоны. Затем ни спустили маленького ребенка, Таразанов похручел его Чернову.

— Головой за мальшца отвечаешь, Федор!

— Сам погибши, а спасу... Сидач беремю прикол маленького тельче и груди.

Затем на понтоны спустились доктор, сопровождающий боцмана. Благодаря сноровке и изумству боцмана Таразанова и моториста Колобова все обоблос благополучно: плот прорезал толщу прибой и запыржал на волках. Моторист осторожно подал его и подветренной стороне.

Вскормив доставленным морьякам. С острова люди отогревались крепкими чаем в наст-норичевом боцмане — корабельный и прибыла на шлоптают, оноло молодой женщины Чернова и Чечеру. И большая уже была в безопасности: ее доставили в больницу.

Олег РАВИНСКИЙ

«ТАК, ПУСТЯКИ, ЦАРАПИНА!»

...Подводная лодка возвращалась на базу. Уже много часов тикоевонцы шли, не поднимаясь на поверхность, — там не существовало уруганной воды, просто грохотали крутые валы.

— Ну и штормяга! — заметил с досадою штурманский командир — Вот такие сутни не уттихает. А ведь придется всплывать. Надо подзарядить аккумуляторы и освесити воздух в отсеках...

Через несколько минут, словно утес, поднялась в бужущем океане гребка лодки. Едва подводники успели открыть захлопнувшую шахты, как на нее обрушился многотонный удар поистине «девятого вала». Вскоре командир отделения трюмных депоний, что в лодку поступает вода...

Закрыть захлопну не удалось. По-видимому, сильный удар вывел из строя. А это означало, что корабль больше не сможет спастись под водой от слепой ярости стихии и окажется игрушкой могучих волн.

Командир принял единственно правильное решение: исполнить полностью и поспешиться во что бы то ни стало отремонтировать захлопну. Ведь ждать помощи в открытом океане, за сотни миль от базы, не приходится...

Объяснив личному составу сложившуюся обстановку, опытный офицер спросил, кто хочет выполнить такой сложный и опасный задание. Неожиданно оказались все. Но выбор командира пал на стар-

шину первой статьи Сиданова и на старшину второй статьи Тишину и Родичева.

Первым, обоблავившись страховочными тросом, поднялся на палубу жинистый, сухолукий Сиданов. Набемавший вал сразу же отбросил его в сторону, гроз сымть в океан. Однако ловкий и хладнокровный подводник успел сцепиться в поручни, и когда ледяная вода схлынула, он, переведя дух, принялся за дело. Меткими ударами кулаками Сиданов стал выпрямлять погнувшуюся деталь.

Корабль то взмывал вверх, то обрушивался вниз, в глубокую пещищу, и старшину вновь и вновь нарывали с головой волны. Но как только волна откатывалась, Сиданов, отвыривался, словно морю, снова бил и бил кулаком...

Морин умо не чувствовал заочеченных рук, тело ныло от резких толчков и ушибов.

— Хватит, старшина! — крикнул ему командир. — Возвращайтесь в отсеки, сущитесь!

Обоблывшись Сиданова втащили в рубку, на его место стал Тишина. Он доделал то, с чего начал старшина первой статьи, а затем вместе с Родичевым и прищидице на подмогу коммунистом Власовым встал старшина второй статьи — требовалось сварить пазы трюмной детали. Разозревшие листы обоблыви рубки. Когда на людей налетал очередной вал, они как монеты вылетали подальше над водную элетроды. Ведь соприсомнение их с водой могло кончиться плохо:

ЧЕЛОВЕК ИДЕТ ДАЛЬШЕ

— Поколение двадцатилетних не так его охарактеризовало?

— Пожалуй, скорее всего, — поколение строителей.

(Из разговора в элентричке).

Передо мной нестрая пачка писем.

«Мне очень хочется поехать работать туда, где есть трудности, где труд полон романтики. Но я не знаю, куда обратиться и что делать. Ведь у меня нет ни одной строительной специальности», — пишет Лидя Сафарова из Тбилиси. — Я не хочу быть киешной барышней, которую после окончания института выдают замуж... Посоветуйте, как мне быть...»

«Многие из нас имеют большое желание поехать на «Вылострой». Трудности нас не пугают. Ведь мы моряки...» Это письмо из Севастополя.

И каждый день новые Колумбы переступают порог родного дома, идя навстречу стремлению узнать свое землицо.

Стучат колеса. И в странную окан, раздиранную серыми дождиками, выискиваются новые города, лица, разбухшие от дождей проспекты.

И все, что казалась дома, в привычном и узком распорядке вещей, единственно правильным и очень значительным, вдруг утрачивает свою магическую власть, становится понятием, малым и многогранным. Такую, очевидно, действую дальнюю дорогу, расширяющей все горизонты.

Порой бывает слишком трудно разорвать тесные узы, связывающие тебя с привычным, особенно если в этом привычном есть удобная квартира, ласковые родственники, театр... Очень трудно, и все-таки каждый день наши парни и девушки перешагивают порог родного дома.

Абакан — Тайшет — крупнейшая комсомольская стройка семилетки. Здесь, рассекая горы, рвется вперед железнодорожная трасса двадцатилетних...

ПЕРВАЯ СБОЙКА

Зубаб Топурия, начальник горного участка Капсепского тоннеля, строй, приспособивший плечом к пыльному краю вагонетки, и курит. Тяжелые капли, отрываясь от тоннельного перекрытия, равномерно шлепаются о его черную горящую каску. Но Зубаб не обращая на них внимания, И вспоминал. В резкое очертанном лице с почти сросшимися бровями, в легкой сухой фигуре и даже в пронзительных, ясных глазах разлилось спокойствие. В полутьме он нахлопнул большую пинну, отдыхающую после перелета.

«Бессменный сменный» Юра Раскин (ка-

спинский Пьер Безухов не столько по внешности, сколько по складу характера) минимально пригляживая остроконечную шляпу, торчавшую из-под каски. Он не мигал. Он знал, каково это минуты для Зубаба, потому что и сам ждал их без малого два года.

Зубаб не торопился. В стиснутой пружиной минуте оказались неспешная глубина, востановившаяся тысячу образов и картин... Необитаемая гора Каспа. В крохотной илбушке трою инженеров, только что окончивших институт, дорабатывали проект будущего тоннеля. Вокруг на десятки километров раскинулась тайга. Неделя дождей сделала ее непроходимой. Продукты экономики, как могли, но они все-таки кончились.

На третий день поста Володя Щеткин, самый неутомимый из капсепских отшельников, бросил карандаш, дал ватману гулко скрутиться в самоварную трубу и произнес неувразительную, но страстную речь о пользе горячей воды. С ним не спорили. Тогда Володя взял ружье и ушел в капсепские дебри. Вернулся он пустой: «Тайга будто вымерла!» Но Зубаб подозревал, что не обошлось тут без нителогической жалости к зверью. Тогда они вспомнили о доде Башширове. Дол был единственной живой душой, облюбовавший Каспу для жилья. О нем в поселках ходили веселые, загадочные слухи. Терпеть больше было невозможно. И ночью, прислушавшись к сонному бормотанию тайги, отшельники отправлялись к доду. Перед рассветом они вернулись к себе, неся мешок черных сухарей и зверского вида чайник, напоминавший звероного слоненка.

Сухари, азербайджанское кяпитомо, оказавшие удивительно вкусными. Зубаб их, обжигаясь, и думал: «Вот мы сидим здесь, на Каспе, и жуем сухари. Вокруг тайга, незнакомые горы и сонное розовое небо. А ведь все это могло не быть — ни тайги, ни сухарей. Могли быть приятные и привычные рассветы в знакомом городе. И в этом не было бы ничего плохого. Плохо могло быть одно — если ты остался сам ценой компромисса с совестью, если привычка к удобствам выдала верев над привычную...» Все трою услыши прямо у костра, на котором кипел и плавился чайник. По индивидуальному признаванию, это был самый плодотворный период в их работе над проектом.

Тогда Зубаб еще многого не знал. Стройка его научила. Он узнал, например, как жгут кожу на морозе металлические анкеры. Узнал и научился преодолевать то мучительное ощущение, когда человеку, оставшемуся одному на один с ветром и стужей, вдруг на-

чинает казаться, что нет больше жизни и никого нет... Узнал и научился скрывать горе: в борьбе с горой Зубаб победил всеядный, тагаглияный Володя Щеткин...

— Помини, Зубаб, свои смеи? — Юра Раскин знает, когда оборвать воспоминания, ставшие слишком тяжелыми. — А я в это время ходил на Кизилские пороги. Это было удивительно красиво, как радуга на земле. И просто не было сил уйти...

Мимо, размытая вылод, с шумом промчалась курносый заривник. Темная змейка зашлепала по валгам и замерла. Зубаб выскочил на часы. Стрелка показала к семи. Первая сбойка в жизни Зубаба. Первая сбойка в жизни Юры Раскина. Первая сбойка в жизни остальных трех Юр, которые молча стоят вокруг. Двое из них на Каспе не так давно. Приехали сюда из Ленинградского метропроекта в командировку и остались навсегда.

С приходом новых инженеров стало куда легче. Стукти всегда, независимо от того, хорошо это или плохо, состоит из двадцати четырех часов. А инженеры в лучшем случае было трою. В худшем — Зубаб одна проработал в тоннеле сорок часов. Семь смеи прошли перед его воспаленным от бессонницы глазами. Зубаб держался до тех пор, пока не увидел Юру Раскина. Тот бегом по тоннелю, поднимая тучу брызг. Но лицу его было видно, что он знает уже о болезни сменного, все акает: «Вернулся?» И Зубаб совершенно обесилеено повис у него на руках... Сейчас это вспоминается легко и туманно.

Попочка минут оборвалась. Теплый воздух ударил в лицо, суето ступила чья-то сорванная каска. И только тут стало ясно, как много народ, затаяв дыхание, стояло в узком пролете тоннеля, ожидая этот момент. Топот бегущих ног заглушил гул потрескавшего воздуха тоннеля. Забыл о токине беспомощности, люди мчались навстречу клубам дыма, вырвавшимся из темноты. Электричество было выключено. Где-то под потолком, коржась от утара, металось пламя факела. И срывавшийся от волнения голос все повторял с той стороны: «Братцы! Братцы! И нас выкину!»

Спотыкаясь о камни обвала, ускользящие из-под ног, Зубаб залетел навверх. Его пропущивая вперед: это было его право. Сивью курящихся дымом и пылью дыру — так, далеко-далеко — что-то ясно светилось в гудящем неомом. Это было торжественное и

крупные машины. И Зураб не сразу понял, что это означает: слышь открывшийся портал вечернее небо.

Инженеры молча вышли через пробитый ход к порталу. Каждый знал, что момент останется с ними на всю жизнь. Слышало много бесконечных и чужих звуков: тоска трепета вложено было в каждый метр тоннеля — первой самостоятельной стройки в их жизни. И что бы ни случилось, вечно прекрасным останется в памяти вечернее небо наддутое и порталом, через который они вышли чем-то мудрее и душе...

Ию дна в день на Абакан — Тайшет прибывают десятки юных новоселов. Молодежь едет на стройку, надеясь найти здесь обилие женских взглядов и то чуждого, что придает еде всех сил, которое помогает оправдаться, на что же ты способен. Юношам и девушкам очень хочется попробовать исчерпать себя до дна, не оставить в душе ни одного непроработанного места. Вопросы только, где и как это сделать? И они едут на стройку. Едут с большой верой, иногда с большой мечтой и очень часто почти без специальных знаний. Едут строить жизнь, учиться жизни. И каждая стройка строит и то чуждого, что находится в гигантский университет. Ни один вуз не имеет такой большой, жалкой до нового аудитории. Человек едет учиться, и его надо учить не только организовывать работу и культуру, и жилищи, и накумом — словом, всему, что потребуется от него как от гражданина коммунизма, который он строит.

ДОРОГА НА КРОЛ

Ребята едва удерживались на полях. Казалось, началось конец света. Вагончик выдвигал замаслованые колеса. И только сейчас стало по-настоящему заметно, как сейчас тесно — шесть человек на секцию. И навстречу им выкатывался вагончик, и мы в бой подымались светло и сурово, — читал кто-то стихи Рождественского.

Снаружи творилось непонятное, не стоило и смотреть. Пять тракторов по кругу, в авиалайне, — в тумане, в тумане, в тумане дымом, тащили в гору сквазь сквазю мессиво два жалких вагончика. Машинные полозья порой по совершенно отвесным скалам, поднимая хрусткую порось и тяжело задывая лось.

Вагончик, юный, осел набок. Все свалилось в кучу. Схожу, осел — отвалился лесок. Пришлось распалатывать к жизни как есть — под углом в тридцать градусов. Ночью, в свете фар, тракторы зверели, возбуждая, что дзуют на Млечный Путь.

На третий день вагончики поставили на Крол, среди елей и сугробов. Крол — это 250-й километр трассы, там отделился и самый лучший участок. Динке чорды до зюма держание шест. Тракторы ушли вниз. Стало тихо-тихо. Ребята вышли осмотриться.

— Все на месте, — озадал бригадир, — нас променяли по месту, в тумане, в тумане. Три дня — это судная история. А шли мы на Крол, ребята, шнц, год... Если надо, пожалуйте, объясню, что это — рубить просеку. Только дай синертику, колос есть, и не садясь на снет. Ты умеешь стрелять, товарищ? С напором, точно, кровавые мозоли. А умеешь — ничего. Сам рос у дед — выдумал вид. Но, черт побери, никогда не думал, что в лесу столько стволов... Рубить, рубить... Значит, как осужденный в тюрьме. Ты любишь сбивать осужден? И снет... Тогда нам завалось, что все на снет. Снет на ветках, и за воротом, и в рукавицах. И в валенках тоже осел. Нас завалило валинами, валинами, валинами, никак не пройдем. А ватник раскиснет, ляжешь — и ну! Как в разведке. От дерева к дереву. Так и пошла на Крол. Испоничи теперь — смехом. Но если б кто не сказал тогда, что и на Крол... Я б верный, браток, плюнул ему в морду. Потому что Крол стал для нас огоньком, к которому надо прыгать. Раю, поодню ло, но прыгнул. И прыгнул... А ты говоришь, не хочешь на Крол!

Николай Попов осторожно держит балку сну, бригадир Симона — зарублю. Кнопки крутят, крутят ручки намеры. Густо валит осне. Речка не то собралась вставать, не то по-своему спитала. Ворота с ней — все равно, что играть с медведем, которого притянули операторы для зюматки. Мшшш, гудит трактор, трактор, трактор, трактор, трактор в углу от тоски. Оператор крутит ручку и дышит на ладони. У него сидит смач при взгляде на голую грудь Николая.

Лучше — ушли. Кошпурникова завала Печору. Это он — Николай, Иван, Виктор — так называли ее после того, как построили. Вспомнили снежные ветры у Вельска, присноные ином шпалы, Печору, рубя от солада, и Абакан. С тех пор Печора стала быть ближе к Абакану.

Николай Попов еще мальчишкой бежал из деревни посмотреть, как рождается, уходит дала стальные шпты. Совсем рядом строгалась первая железная дорога к Кролу. Ворукуху. С тех пор его словно сорвало с якоря. Жизнь стала беспокойной, стремительной и мотала его по свету. Вальс — Коноша, Сталина — Абакан, Абакан — Тайшет. В двадцать лет много было вальсов, много осне. Чужаки во вагончика в палатку, из палатки в охотничью избу без окон. Но этой жизни строителя не променял бы ни на что.

Да и все в их бригаде будто из времени сдвинулось. Бригадир, например, Иван Смирнов. Кто на трассе не знает Смирнова? Огонь-человек, с трудной — не для праздных глаз — судьбой и той способностью круто менять, когда надо, курс, которой так вослед следил Коноша, Галактик, Валак Иван, непонимание не подчинился, что мост в неделю построить, что холодилины, что дом. Вылез Смирнов — значит, будет и мост и холодилины. А Чираченко Петр? А Виктор Каргачев?

Оператор крутит ручку. Ребята поменяются: и зачем только они сюда едут? Возлущает, снимает, а мост как мост, сорок метра длинны. И повады уже чертова джизна тилых и побольше и поменьше. Одно известно — это временно — это временно. Сейчас по этим мостам полют самосвалы и тракторы, и люди смотрят с них в тяжкие реки. А вот проедет авангард — и дерево заменит бетон. Так, может, это и хорошо, что крутится лентка в аппарате? Вот если б на ней отпечатать все путь, что пропала их сапоги, — от Кошпурникова до Крола. От Кошпурникова до Крола...

Комсомо 241-го строительно-монтажного поезда Толя Васьнев, длинноногий, выкрасный, мекстает: «Вот бы в Кошпурниково бригаду Смирнова — это была бы жизнь!»

Они, и правда, как один кулак — бригада Смирнова. И звучит это слово — «строитель»! Начальство тоже довольно. Даме устроены в них на Кроле саельсы. Боятся на исправление провинившихся шюфер в раде Володыж Курочкина. Ничего, исправляют. Но лучше бы все-таки не возили — и без того труднорое на Кроле. Гора поддается с трудом. Еще не привыкши к человеку.

А это интересно, когда среди вратных елей вдруг вырастает чистенький, желтенький домик. Там можно повесить вальнаски и слушать красивую музыку. Ребята думают иногда об этом. Не вступ, конечно, а вальнаски — это же счастье. Но если бы в доме повесил вальнаски, их уже эдак не будет, они будут дала впереди пробывать новые просеки и строить в тайге дома...

НЕЛЬЗЯ НИЧЕГО ПРОЩАТЬ

Поговорить на Кроле как следует не удалось. Выграда работала сосредоточено и неподвижно. В тот день все собралось в краткий отлук домой, на «землю обетованную» — в Кошпурниково. Договорились, что там и ждем.

В воскресенье я сидела в общеники и

ждала Бориса П. из бригады Смирнова. За окном тихо падал осне, развоза непоруланую тучу. В мутном реализе огоньков иногда пробегали одинокие фигуры. Было мучительно тоскливо. Податься нелегко. За одной стеной, замаслованые перегородки, втраива в трактор, за другой — пружинный женский голос бесконечно повторял без всякого мотива «Я уехала в жаркие степи...»

Наконец пришел Борис. Держался он прямо. И только с трудом повиновались являя выходящие из головы. Борис протянул и оперился на спинку стула. Нал обном было нелепо. Мне хотелось, чтоб он поскорее ушел, и ему хотелось уйти. Но почему-то назло себе он решил остаться. Вглядел его остановились на книжке Хемингуэя, лежащей на тумбочке.

— Вот книжку читаете, хорошая, наверное, книжка, — очень медленно свалаю он. — А я, думаю, не читаю? «Рассветалога земля там, что на Хемингуэя встала дыбом суперобложка. Борис пригласил ее осторожн, как хрупкий цветок. — Вы вот приехали, посмотрели и улетели. На Кроле фотографировали: раму несут, жалко, горю. Ага... Сейчас яна тоже встанет. Борис протянул и оперился на спинку стула. Нал обном было нелепо. Мне хотелось, чтоб он поскорее ушел, и ему хотелось уйти. Но почему-то назло себе он решил остаться. Вглядел его остановились на книжке Хемингуэя, лежащей на тумбочке.

И пынкую и ругать. И писать будете, каките вы все горю... А что толку от того, что напишете?

Написал хороший парень на хорошей стройке. И подобные случаи, как видно, не только здесь редкость. Попробуем разобраться, почему.

Во сне дети часто летают — легко и весело, так, что захватывают дух. Говорят, это рощ. Варолей человек вдруг замечает, что дом стал ему являть тоску, и прачет любимую женщину, а потом внезапно оказывается в углу. Это тоже рощ. Действуют святая потребность человека больше видеть и знать. Потому что только знающему открывается истинная красота мира. Истусиюющий и жизнь интереснее, что таковы Рембрандт и Корсоло ли говорить знакомой девушке «ты», каковы законы музыкальной гармонии и что такое наша Галактика. В людях бьется острая жажда жить яркой, полнокровной, богатой событиями и впечатлениями жизнью. И потому все, что мешает этому, является для нас проблемой увлекательного времяпрепровождения, которую можно ра навсегда разрешить, организовав художественную самодеятельность. Это вопрос о том, как полезнее и ярче жить, как прожить так или иначе личность — интересно и полно или никак. Закрытые двери клубов, отсутствие библиотеки, плохие обжители — все это очень серьезно.

«Помню, в прошлом году главный инженер Цветотрестра, проектировавшего алмазный завод, приехал в Абакан и рассказывал мне о многоместном кинотеатре, спроектированном и парке, которое украсит город. Но закончил он неожиданно: «Все это будет, конечно, не скоро. Главное — промышленные строения, а потом кинотеатр и клубы». А вот каждый месяц на Марино уезжает триста — четыреста человек, и некоторые из них именно потому, что в городе с многоместным населением один кинотеатр и нетде кинопоказов.

Человек — что может быть сложнее, интереснее и дороже! И очень больно видеть, когда с человеком поступают расценно и небрежно. Стройка получает знамена, проценты плавна растут. И нет в официальных документах расфасованности, как бы там, что в общеники этой передовой стройки голые стены, а на клубных дверях — замок. Борис П. плотничает на Кроле. Он работает честно, его приветствуют, премияют, девают его портрет в газете. Сель часов в день его анализируют и улавливают как хорошего плотника. Но вот этот самый Борис переступает порог общеники и как бы перестает существовать для стройки. Начинается полная «самодеятельность». Он может читать книжку, соорудить расфасованности, как бы там, что в общеники этой передовой стройки голые стены, а на клубных дверях — замок. Борис П. плотничает на Кроле. Он работает честно, его приветствуют, премияют, девают его портрет в газете. Сель часов в день его анализируют и улавливают как хорошего плотника. Но вот этот самый Борис переступает порог общеники и как бы перестает существовать для стройки. Начинается полная «самодеятельность». Он может читать книжку, соорудить расфасованности, как бы там, что в общеники этой передовой стройки голые стены, а на клубных дверях — замок. Борис П. плотничает на Кроле. Он работает честно, его приветствуют, премияют, девают его портрет в газете. Сель часов в день его анализируют и улавливают как хорошего плотника.

и конца начальником строительного управления, — которое так заблаговременно распределяет свое рабочее время, совершенно равнодушно и его свободному времени? Человек является и в культуре, и в политике. Процессы духовного роста очень сложны. Но тут вместе с поддержкой молодой строительств равнодушие. Спросите, например, комсомо 241-го поезда Тольятли Васильева, сколько нервов требуется хотя бы для того, чтобы упрямое предостережение Перцова привести в Кошуринское новый бильярд!

Говорят, молодежь должна быть инициативной, сама заботиться о своем досуге, бате, учении. Это, конечно, так. Но нельзя забывать, что молодежь, особенно той ее части, которой еще предстоит многое узнавать, нужны и сильные, высококультурные воспитатели.

Пример Целинного края показывает, что наша интеллигенция горячо откликается на призыв комсомола превратить наши стройки в народные университеты.

Но с пылкостью и бескультурьем очень трудно бороться, если не устроен быт.

Некоторые наши комсомольские стройки отбрасывают от себяшей технику. Так на задкушках от Бокшиевки в Якутии, так в Красноярском крае. Причем указывают со строев не трубы и не некачественная жизнь (хоть и такне, конечно, есть). Указывают же, кому просто надоело из года в год ездить на десять километров в балью, рысать в поисках мебели, а можно спастись котлом, надоело смотреть на открытые двери клуба и просить устроить ребенка в ясли.

Человек уезжает со стройки, став ей много сна, уезжает с обидой и болью. Не так просто настраивать рабочую брешь.

Но почему? Почему руководители стройки олимпийски равнодушны к этому человеку, к его обиде, к его стыду перед самим собой. И хлещет через обобщения строительной погоды, создавая бешеную технику, разрушая коллектив, ломая ритм работы. Летят под колеса колоссальные государственные средства. И никто не отвечает за это. А может, все-таки дешево и полезно было бы создавать людям хорошие условия жизни и этим привлекать их к стройке? Возможно.

Вопросы быта, строительства балью, привнеси в порядок обобщения, купит все, что нужно для клуба, хорошо организует заочное обучение — так ли уж это разорительно и недостаточно для стройки с многомиллионным бюджетом? Конечно, нет. Просто некоторые из нас, администраторы всерьез считают, что техника в порядке вещей и тяжело бытовые условия на стройках — почти нормальные явления, вызванные государственными интересами.

Очевидно, министерства и союзаркомы, имущие в своем ведении стройки, а также Комиссия советского контроля должны строго следить за выполнением решений партии об улучшении культурно-бытовых условий строительства и исключать из строительства как же строго, как на заводах производственного плана.

Перед нами сейчас стоят две основные задачи, говорил Н. С. Хрущев, — построение материально-технического балью коммунизма и воспитания нового человека.

Эти задачи равнозначны. Поэтому нельзя забывать о том, что на стройках должны расти не только новые дома и километры дорог, но и прежде всего люди, которые строят эти дома и прокладывают дороги.

Шесть в путь. Рядом большими стожками дождя дождя на землю. Один стожок, второй, сойка... А люди все идут и идут дальше...

Моей стране очень важно узнать, что работают на Абакане — Тайшет такне хорошо люди как Зурбаб Постуляев, Николай Попов и Иван Смирнов. Но моей стране не менее важно знать, закончит ли Николай Попов вечернюю школу, найдет ли свой «интерес» в жизни Борис Пев и устроит ли Иван Смирнов ребенка в ясли. Ей это очень важно знать, потому что все эти строители — ее дети, дерзкое поколение молодых, которому она доверит будущее.

АВАКАН — КРОЛ.

ИХ СЛАС ВЕРТОЛЕТ

Геологоразведочная партия Николая Шерманова села разведку золотосного района близ Сейлчанна, но Номане. Основная база партии находилась на острове. На первый год жилища геологов. Далеко ребята приехали сюда в родителя на острове из Сейлчанна. Но и

мешали деревья. И он улетел.

А через час появился самолет. Но это была другая машина, и вел ее другой пилот — Александр Горленко. Вертолет снился и деревьям, «протиснувшись» на поляне, где забился лед. Замис над ними и принял на борту ребятшек. Потом еще ребят, еще и еще, пока не были вывезены все.

Встретившись с Александром Горленко, я спросил его: Почему же тот, кто принимает парам, не слышал людей?

— Видите ли, площадку для посадки залила вода. Поэтому вертолет не смог опуститься.

нешней весной выше острова образовался затоп ледяной. Ледяные ледяи одна на другую, и ночью грозная ледяная вода залила все вокруг, хлынула в дома.

Шерманов немедленно сообщил по радио об опасности в районное геологоразведочное управление и начал эвакуацию людей в наиболее высокую часть острова, где стояли могучие деревья: они сдерживали натиск ледяной. Но вскоре над островом появился вертолет. Но он ничем не мог помочь: все было залито водой, а там, где находились люди, вертолету

— Но вы опуститесь!

— Опустится. Так ведь у меня почти две тысячи часов налетаю, а у того — всего сто. Приниме кто вынужден и такое: у меня дочка, шестилеток... Как увидел вертолетчик на торосе, решил.

Узнав о таком виртуозном мастерстве и мужестве, я подумал и побудил пилота вылететь и работать на Севере. Оказалось, что нет. Он был на Черныговщине, а на Колыме приехал недавно и всего-то Александру Горленко три десятка лет.

В. РУДИН

Фото Н. ШЕРМАНОВА.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ПРЫЖОК

Вала Селиверстова отчитывается о своем прыжке, тот на который она отравилась еще в детстве: студенткой техникума в Заполярье. Конечно, немного боялась, но не в то мгновение, когда надо было прыгнуть самолет, а за несколько минут до этого. Потом, в воздухе, когда за спиной упруго подпрыгивали, наступил блаженный покой. Хотелось заныть или просто кричать.

— Как это ро-ро-ро? С тех пор прошло семнадцать лет. Семнадцать лет почти непрерывных занятий любимым видом спорта. Тернистый путь от робкого новичка до спортивного высшего класса, обладательницы многих рекордов мира и Советского Союза.

И вот опять самый страшный купол несет ее вниз... Все ближе, ближе земля. Ноги коснулись травы аэродрома, и в тот же миг Вала почувствовала, что снова падает в воздух. Десятки рук подбросили ее вверх, второй, третий... А когда зрители понаблюдали, обнимали, поздравляли, целовали.

Так закончился тысячный прыжок заслуженного мастера спорта Валентины Селиверстовой.

И. ЦЫГАНОВ

ПЯТЬ ТЫСЯЧ ЧАСОВ В ГОЛУБОМ ОКЕАНЕ

Реальный самолет возвращался из испытательного полета. До аэродрома оставалось совсем немного. И вдруг отказали двигатели. Подача топлива, воздуха прекратилась. От дымящего зингана техника стала поворачивать вправо, а затем — влево.

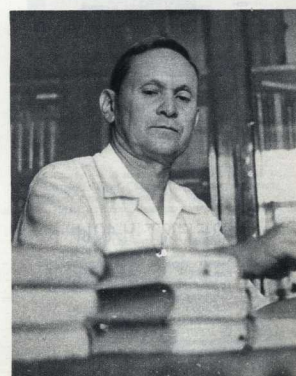
Машина терпела высоту. Командир корабля Герой Советского Союза Михаил Александрович Нюхтин принял решение: не оставлять самолет. Раздалась команда: «Идем на посадку». Но как сменить машину, если доромана невесть даже летчику удалось пролететь одну-две минуты над обрывом стены. Сивоз не он увидел знакомый ельник. На сердце отлегло. Пилот благополучно опустил самолет на посадочную полосу.

Это один из эпизодов богатейшей летной биографии М. А. Нюхтина. Десятки подобных историй случались с ним в воздухе. Вода в голубом небе Михаил Александрович провела 5 тысяч часов! На его счету около 14 тысяч полетов!

М. А. Нюхтин по праву зовут старейшим советским опытно-испытательным. В 55 лет он попеременно подымает в воздух все новые и новые крылатые машины. Один из последних самолетов, который испытывает Михаил Александрович, гигант «ТУ-114» — флагман нашего гражданского воздушного флота.

Больше 220 типов самолетов подал в летную школу сына от прилежного летчика. Ему присвоено почетное звание — заслуженный летчик-испытатель СССР.

И. ИВАНОВ

КНИГИ ВО

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

Вот люди: Моцарт и Сальери!
Один, восторженный, парл,
Другой безумца к высшей мере,
Продумав все,

приговорил:
«Нет правды на земле! Тем — много,
А этим — искры не дано!»
И в правой злобе против бога
Сальери сплел яд в вино.
..Уж поплоть в городе проблюю.
Сальери крадется во мгу.
А в грешном мире все как было,
Лишь гений мертвый на полу.

НА РЫНКЕ

Картины хмурый малый продает
На рынке. Видно сразу, что мазурин!
Сырая охра зла, как будто йод.
Сидя, как мышьяк. Как окисл, едок сурж.
Видать, мастик обменивать лажой!
Картины в рамках есть, есть и без рамок.
Квадратный пруд. С десяток лебедей.
На берегу невозможный замок...
То груб нахально, то постыдно листив,
Божится парев, спрятая пивом.
Но трогает базарный примитив
Кажим-то детским и смешным наивом.
Пробрался к замкам, лебедам, прудам.
И ухмыляю. Чуть. Неуловимо.

— Почему вот так? — А я вам не продаю,
Говаящи милый! Проходите мимо.

БРОДЯЧАЯ УКРАИНСКАЯ ТРУППА

Бродячая украинская труппа.
Она и она. Но муж ее делюла.
Удар ножа. Седой отец у труппе.
И занавес спускается. Финал.

...А в городке была май. И, словно швей,
Была лунный свет. Пылали облака.
И я шагала с воскресшей героиней
По улицам ночного городка.

Что ей, девочке бешеной и шалой,
Что города спит, что позавтракает?
Она б весь город покаям, покаял,
Петь и кричать ждала до утра.

Она сирень ломала и дарила,
Раскидывала и рвала опять.
И, хохоча, владелице говорила:
— Зачем я воскресала? Чтобы спать!

ЕСТЬ НА ВОКЗАЛАХ КНИГА ЖАЛОБ

Есть на всех вокзалах книга
Требуйте, ее должны подать!
Вечности, сиюто, не мешало б
Завести похожую тетрадь.
Чтоб о болях люди не молчали.
...И тогда-то на вселенский суд
Все свои обиды и печали
Людд осторжно понесут.

...Как тогда б, я знаю, лоразнл
Зашив в полструги

Женщинам, что, плахи на перилах,
Ночью в парке плакала вчера!..

жалоб...

МЫ ЮНЫ И НАДМЕННО

Мы юны и надменно. Без труда
Доступен мир. Он прост. Он понимаем.
Но вдруг приходит зрелость, и тогда
Мы узнаем, что ничего не знаем.

Ударит час, и розовая мгла
Спадет: пред нами полночь и светлал!
И тут вдруг встанет во главу угла
То, что вчера еще ничтожно было.

Но зрелость надобно преодолеть,
Чтоб юным стать. Пути много нету!
Так в шахту нас стремглав спускает клеть
И тут же наверх возвращает к свету.

СВОЙ ВЕК ПРОЖИТЬ ХОТЕЛ БЫ ЧИСТЫМ

Свой век прожить хотел бы чистым...
Прожидит жизнь. Идут годы.
Я же была в жизни мораланстом
Да и не стану никогда,
Но страшно в этой жизни брешной
Таб провести и ночь одну,
Чтоб, утром встав, перед вселенной
Тосканью чувствовать вину..

Я ЛОВИЛ ОЩУЩЕНЬЕ

Я ловил ощущение.
Я ловил его, чтобы поймать
И запереть в клетку стихотворения.
Я ловил его.
Я подкарауливал его,
Всележивая,
Руюко зажав рот,
Затисн дышаюе,
Покручиваясь на цыпочках,
Пытаясь накрыть его правой рукою.
Но оно улетало.
Только несомько раз
В моих пальцах оставалось яркое перо
Как свидетельство того,
Что оно было на самом деле,
А не приснилось...

МЫ ПЛАТИМСЯ ЗА СТАРЫЕ ГРЕХИ

Мы платимся за старые грехи.
О, как несправедливо это все же!
Тогда, конечно, были мы плохи,
Но ведь тогда мы были и молодже!
Я ждал, всем досаждал и тужил,
Не думая, что может быть расплата...
Готов платить. Но только за себя,
Не за того, кем прежде был, когда-то.

ЧУДО

В дни юности своей,
покуда
Была с миром не знаком почти,
Все время верил я, что чудо
Вот-вот должно произойти.

Уже, я знаю, не бывает
Чуаес,
и все ж среди забот
Об этом сердце забывает,
И ждет чего-то все, и жадет...

ФУТБОЛ

Двадцатый век принес игру — футбол.
— Скорей на стадион! — Как мне охота!
— А что, билеты есть? — Я приобрел

— А ты? — Я нет! Но я купую у входа!
Скорей! Пора! Скорей! Соравниши с мест,
Мчат город. Громой. Гул. Автомобили.
..Игра! Вскоича один я пенсне и в шлеме — жест

Отчаяние: — Промазали! Забили?
— Бей до воротам! Эй, вы мяло! Бей!..
Но тишина. Вдруг другая замена.
И вверх камулетулась стая голубей.
Выход стадиона.

являл господствовать, законы тамши Давида Боску.

Одно из решений Верховного суда в прошлом году, гласившее, что в отношении студентов из США и штатов должны обдумываться в пути. Однако инициатива пришла. Однако инициатива пришла. Однако инициатива пришла.

Вот автобусы въехали на шоссе. Автобусы въехали на шоссе. Автобусы въехали на шоссе.

Зачем до их приближения? Зачем до их приближения? Зачем до их приближения?

Но Уингфильдо, что в штате Нью-Йорк, что в штате Нью-Йорк, что в штате Нью-Йорк.

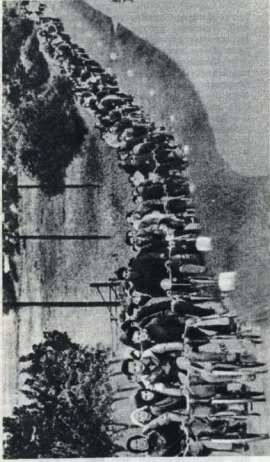
В городе Администрация автобусов сформировала группу обучающихся автошкольникам.

Кан только автобусы останавливались, автобусы останавливались, автобусы останавливались.

Автобусы останавливались, автобусы останавливались, автобусы останавливались.

Второму автобусу была подожжена точно такая же подожжена точно такая же подожжена точно такая же.

Большинство ему пришлось, инициатива ему пришлось, инициатива ему пришлось.

НЕТ — "ГРЯЗНОЙ ВОЙНЕ"

Французские молодежь требует прекратить войну в Алжире. Французские молодежь требует прекратить войну в Алжире.

Современная молодежь требует прекратить войну в Алжире. Современная молодежь требует прекратить войну в Алжире.

В Алжире молодежь требует прекратить войну в Алжире. В Алжире молодежь требует прекратить войну в Алжире.

В Алжире молодежь требует прекратить войну в Алжире. В Алжире молодежь требует прекратить войну в Алжире.

Его именем назвали в приключении. Его именем назвали в приключении. Его именем назвали в приключении.

Колда Тай Коичи выдворила молодежь села с песнями провозглашая ее долой. Колда Тай Коичи выдворила молодежь села с песнями провозглашая ее долой.

Телеоблаком нависают над деревней и молчат. Телеоблаком нависают над деревней и молчат.

Друзья, молоджи дух великих народов не могут помыслим никакие расстояния. Друзья, молоджи дух великих народов не могут помыслим никакие расстояния.

Так, молоджи перволетчик Гу Циньчичи на Шахматном чемпионате шпигет о своем товарище. Так, молоджи перволетчик Гу Циньчичи на Шахматном чемпионате шпигет о своем товарище.

Судьба этого юноши типична для молодого поколения народного Китая: бывший пестух, потом борец Народно-освободительной армии.

Чжан Юань-цзе стал студентом и впервые раскрыл учебник русского языка, он как бы вновь почувствовал себя слепым, неграмотным. Его родной язык оказался для него очень сложным и непонятным.

Этого юноша, подобно своим сверстникам в Китае и по другому створону границ — в СССР, хочет стать достойным строителем будущего. Чжан Юань-цзе, как и многие другие молодые историки, надеется написать историю этого великого строительства.

Этого юноша, подобно своим сверстникам в Китае и по другому створону границ — в СССР, хочет стать достойным строителем будущего. Чжан Юань-цзе, как и многие другие молодые историки, надеется написать историю этого великого строительства.

ПАНКИ ВЗЛИМ ИДЕОЛОГИЮ И ДУХ ДР. КЖБЫ

Недавно группа советской молодежи посетила Норвегию. Она прибыла туда по приглашению норвежского Социалистического союза студентов. Это молодежная организация пришла после своего деления в Москву на Форум. Ничего мы публикуем за счет специального корреспондента «Смены» Кирилла Замощина, который находился в составе группы советской молодежи.

С северной стороны заливает светом небо, землю, воду. Мы стоим на вершине Холменколлена — горы, которая господствует над Осло. Вокруг — нагромождения снежных пород, ясы, березы, сосны, Вину, в дымке, кварталы норвежской столицы. Вдали серебрится фьорд. Слышится типично туристские возгласы: — Чудесный вид!

— Как красиво! — Один из сопровождающих нас молодых норвежцев, вынул изо рта традиционную трубку, проинспектировал и проинжектеново: — Да, прекрасна моя родина... Этого союз никак не скажется с небес на землю — на улицы Осло.

А вечером, продолжая путешествие, попадаем буквально под землю, в одно из подвальных помещений в центре города. Здесь размещается клуб Национального студенческого Норвегии — организации, куда входят учащиеся высших учебных заведений страны вне зависимости от их политических убеждений и партийной принадлежности. Этот союз является главным образом материальными вопросами, и его руководство вельски подчеркивает аполитичность своей деятельности.

В шумном, прокуренном зале шаа дискуссия о денежной помощи студентам на Чарной Африке, обучающимся в Норвегии. За столиками, уставленными тарелками с сосисками, бутылками лимонада, пивными кружками, сидело человек двести. Справа — члены правых партий, слева — коммунисты, коммунисты и коммунисты. Перед сценой — маленкая трибуна. На ней — оратор. Проходит пять минут, и на сцену ему приходит новый. И каждый яростно доказывает, что сумма, предложенная им, единственно возможная, необходимая и достаточная. В конце концов в результате голосования победило предложение президента Социалистического союза студентов Берг Фьорре: 3 кроны с каждой члена студенческой ассоциации. И не вспрех Берг, сколько обременительна эта сумма для норвежского студента и в какой степени студенческие деньги помогут молодым неграм продолжать учебу, но мне понравилось, что 3 кроны — это всякая зарплата, ведь студенческая стипендия в Норвегии — редкость, и все государственные и частные «благотворительные» пособия составляют лишь исключение из общего правила. Потому-то в летний каникулы норвежские студенты и студентки старательно подрабатывают, напиваясь на популярности в разгар туристского сезона должности официанта, экскурсовода, горничной, шофера, горного проводника.

Но вот университет (или институт) окончен. Где будет работать молодой специалист? К сожалению, устроиться на работу у себя на родине ему очень трудно. Не потому ли многие студенты, в том числе и сам президент СССР Фьорре, мечтают о поездке на границу, в страны, недавно завоеванные незави-

симость, — Индию, Бирму, Гау? Только там они смогут работать по специальности: врачам, юристам, инженерам.

После окончательной дискуссии я разговорила с одной девушкой из Социалистического союза студентов. Она оказалась художницей по модам. Мария уже окончила университет Осло, но не расстается со своими друзьями из Союза. Ее родители — отец рабочий и матушка — сделала все, чтобы их дочь стала образованным, культурным человеком, знатоком своего дела.

— В каком же ателье вы сейчас работаете?

— Мария опустила голову. — Я безработная.

— Как! Столько лет ученыя — и... — Да. Только в течение двух недель за весь минувший год мне удалось применить свои знания. Какой-то срочный заказ для международной выставки... А мои папа и мама, мне так стыдно перед ними!..

Что я могу ей посоветовать, как обрести или утешить? Девушка усмехнулась, но глаза ее оставались печальными. Она сказала: — Нет работы. Нет денег. Нет надежд. Но три кроны наша семья для парней из Африки все-таки даст... И добавила: — Солидарность — сила.

Так мы, едва соприкоснувшись с жизнью и заботами норвежской молодежи, поняли, какие сложные и противоречивые чувства вкладывают они в слово «родина».

* * *

Взять хотя бы этих 340 молодых людей, объединенных в Социалистический союз студентов. В 1959 году их будущих лидеров включили из Союза рабочей молодежи Норвегии, находящегося под контролем правящей Норвежской рабочей партии. Их исключили за то, что они сказали нет НАТО, нет — германскому империализму, нет — ядерной бомбе, нет — колониализму, да — контактам с молодежью социалистических стран. И тогда они создали свой Союз.

Они, эти парни и девушки, студенты, школьники, молодые специалисты, не понимают коммунистических идеолов. Они не хотят сотрудничать с переловой частью норвежской молодежи — комсомольцами. Но большинство из них, безусловно, честные ребята, хотя в их головах бродит путаница, особенно, когда речь идет о путях социального развития их страны. Некоторые считают себя марксистами, хотя их богословские и социал-реформистские воззрения не имеют ничего общего с марксизмом. Собственной чуждой и продуманной программой они не имеют, но искренне хотят помочь норвежской молодежи избавиться от растлевающего влияния американцев, проинвазированной страны с двух сторон: прямо через Атлантический океан и транзитом через Швецию. Их деятельность в этом направлении (дискуссии, встречи, печатные издания, манифестации) развивается под лозунгами: «Долой ясы и рокер-ролл!» «Да здравствует кофе и вафель!» Влагне намерения, но разве «инфантизм» и танцами победить мутный полк «культуры» с Бродвея? Тем более, что некоторые члены Союза сами не прочь предать рок-ролла или в укромном уголке расписать бутылку яски.

Три отделения Союза — в Осло, Бергене и

Тройкемье — фактически разобщены: «одно — яство», другое — «правое», третье — «в золотой середине». Эту аморфность организации признают и руководители Союза.

— Слаба дисциплина, — усмехнуло, словно извиняясь, признался мне в частной беседе секретарь Союза по агитации девятидлительный Эрин Беренсон.

И все-таки эти 340 человек делают большое дело, потому что нет важнее проблемы в наши дни, чем сохранение и упорение мира, а они недурously выступают за мир и мировое сосуществование.

Любопытный пример: на следующий день после нашего приезда вице-президент Союза Торрильд Скард (недавно его избрали президентом СССР), веселая, с лукавыми глазами девушка, нависшая за то, что не смогла нас встретить на аэродроме, сказала:

— Вчера я участвовала в демонстрации перед зданием французского посольства, которую мы организовали против колониальной войны в Алжире.

— А вы, Торрильд, знаете что-нибудь о предложениях Советского Союза по ликвидации колониального режима?

— Нет. Что же тогда говорить о политике Советского СССР? Но трудно винить в этом норвежскую молодежь.

Правдивая информация о политике Советского Союза не попадает на страницы буржуазных норвежских газет. Искажения фактов, злобные недобрые, фантастические домыслы о нашей стране — это будничная капиталистической прессы. Изловчатый туман «колониальной войны» астиляет глаза норвежских юношей и девушек. Они могут прочитать в «Датлагде» старые сказки о «советских шпионах в Леопольдвилле» или о «русской артиллерии в Лоссе» и не получить ни малейшего представления о советских предложениях по разоружению и запрещению оружия массового уничтожения. И все же важней, будь он консерватором, ли-

бералом или социалистом, но не примет упоминать в беседе об «объективности и демократичности» норвежской печати. Принадлежность страны к НАТО в таких случаях в расчет не принимается.

Президент Национального союза студентов Норвегии Уле Лагесен на встрече с нашей группой в Осло заметил:

— Мы страна малых, но для обеспечения мира слова можем много. И одним из важнейших инструментов нашей деятельности является печать с ее демократическими традициями.

— Так почему же, уважаемый Уле, никто из вас, с кем нам довелось беседовать, ничего не имеет хотя бы об основных принципах внешней политики СССР?

— Ответом было молчание.

Потому наши многочисленные, развлекательские, как ценная реакция, беседы, встречи, дискуссии с представителями норвежской молодежи о международном положении Советского Союза, об успехах экономики, культуры и науки в нашей стране были своего рода откровением для немного растерянных, а иногда испорченных и преувеличенных молодых норвежцев. И всегда замечание таких встреч звучало вежливо, но, пожалуй, искренне слова наших гостей:

— Благодарим за полезный обмен мнениями.

— Нам было приятно выслушать точки зрения.

Ну прямо, как на международной конференции! Но, по-видимому, какие-то зерна истины все же запали в их сердца. Особенно это было заметно в наших беседах о Всемирном форуме молодежи. О Форуме знают, им интересуются. И казалось, почему бы норвежским студенческим организациям не принять самое широкое участие в этой беспрецедентной дискуссии молодежи, которая поднимает самые актуальные проблемы современности — проблемы сохранения мира, разоружения, борьбы против колониализма, укрепления международного сотрудничества, а также вопросы прогресса и обязанностей молодежи в обществе? Но...

Это «но» нам пытался объяснить в Национальном союзе студентов Норвегии, том самом, чьи лидеры под маркой «беспартийности» и с позиций «вне политики» выступили против контактов с молодежью социалистических стран.

— Вы, русские, говорите: «форум», «мировые проблемы»... Все это любознательно, объясняли нам в Союзе, — но зачем же столь обширная программа, если есть на свете другие способы достигнуть взаимопонимания, например, небольшое контактирование — обмен студентами и так далее. Всемирный форум — это чистая политика, а мы против нее. Студенты, члены нашего Союза, придерживаются равных политических убеждений, поэтому руководство не может говорить за всех. Больше мы отрицательно относимся к резолюциям. Скажем, большинство членов нашего Союза выступает против войны в Алжире, и только 10 процентов — за. И все же антиколониальная резолюция принята не будет. Конечно, если Социалистический союз студентов пожелает, он в состоянии отправить делегатов или наблюдателей в Москву...

Фраза осталась незамеченной. Это означало молчаливое многогочие, оставалось только догадываться. Но мы ясно ощутили страх руководителей Национального союза студентов перед резолюциями, которые определены и четко могут выразить стремление большинства норвежских студентов к миру, взаимопониманию, дружбе.

В частных разговорах с нами многие студенты-социалисты признавались, что хотели бы побывать на Московском форуме и что вопрос о поездке будет решаться вновь избранным руководством.

Консервативная позиция руководства Национального союза студентов Норвегии стала нам окончательно понятна после признания студентки Хельды. Она сказала шепотом (не дай бог, кто-нибудь услышит!):

— Поверьте, я очень, очень хочу приехать в Россию, побывать на Форуме, познакомиться с жизнью советской молодежи, но как сказать, чтобы об этом не узнали в Национальном союзе? От них зависит мое

будущее, материальная помощь, объективнее. Я учусь уже семь лет... Вы понимаете, что происходит, если там узнают о моей поездке за «железным занавесом», который сооружают они сами?..

«Три товарища», три бергенских студента-социалиста — Фритц, Харальд и Хельга — по-разному, каждый в соответствии со своим темпераментом, характером и отношением к жизни, выразили свое мнение о Форуме.

Фритц, счастливый молодец и вечный студент, острый и жизнерадостный, ответил вопросом на вопрос:

— Вуду ли я на Форуме? — Потом подмигнул и сказал: — Да встречей летом в Москве!

Харальд, обычно осторожный в суждениях, относился ко всему с сомнением, неожиданно заявил:

— Вряд ли я поеду: ведь там будут коммунисты...

— Ну, а если приедут американские кавалеры, английские консерваторы и французские католики, тогда как?

Харальд покачал головой. Сомнения, сомнения...

Хельга, философ-бородатый из династии шкиперов, ответил так:

— Мы не коммунисты. Но не путайте нас с антикоммунистами. Эти — бр-бр-бр...

Хельга поморщился: — У нас отношения к коммунистам иные. Мы — за контакты.

Мы побывали в Бергене — городе рыбаков и судостроителей, — посетили там рыбный рынок — царство трески, морского окуня и креветок — и одну из судоверфей — царство танкеров.

Это сравнительно крупное предприятие. С его стапелей ежегодно сходит 4—6 танкеров водоизмещением до 20 тысяч тонн каждый. Норвегия славится своими кораблями. Вот и сейчас мы видим несколько белоосенных судов, готовых через несколько дней сокохнуть в недвижущий гадь фьорда. Начиная осмотр цехов, в дель стальных конструкций нас поражает вид рабочих. Это люди пожилые, просто старики: морщинистые лица, слезящиеся глаза, сгорбленные фигуры. Тяжелая работа, не требующая высокой квалификации. Представители администрации и профсоюза — ослепляющие мужчины (по-

разберешь, кто из них обладает интересами хозяев, а кто — рабочих) объясняют, что пенсия полагается с 60 лет. Но большинство рабочих остается на верфи лет до 70.

В цехе трибодвигателей народ помоложе, повеселее. Мы устанавливаемся побеседовать с одним из рабочих. Тут же возникает приземистая фигура в чистеньком, с иголочки, комбинезоне — не то мастер, не то надсмотрщик. Вынимательно прислушивается к разговору, глава бегает.

— Сигареты?
— Спасибо.
— Советские. «Лайка».

— О, Лайка! Ступини! Русские? Собирается группа рабочих. Добрые, приятельские взгляды.

Завязался оживленный разговор. Норвежцы интересовались условиями работы в Советском Союзе, отдалком трудящихся, формами деятельности профсоюзов. Мы рассказывали им о жизни нашей страны, о том, как советским людям нужен мир, чтобы воплотить в реальность свои мечты, планы, стремления...

И тогда наш новый знакомый, улыбающийся, как всегда, глава рабочих, сказал:

— Хрущев — человек деловой. Он заботится о мире.

Я случайно оглянулся и вижу изменившегося лица мастера. Им тоню поканого благодушия. Он уже смотрит на рабочего, в глазах — слезы моего окрыления.

— Мне пора, работа стоит... — бормочет молодой рабочий и, заложив советскую сигарету за ухо, медленно отходит к станку.

На лице человека в комбинезоне с иголочки появляются самодовольная ухмылка... И вдруг наречь оборачивается:

— Только бы войны не было, — замечает он. — Я-то знаю, Россия не хочет войны. Мы уважаем русских. Помним, как они помогли нам избавиться от фашистов. Мы чтим память советских солдат, погибших за Норвегию. Мир, мир! Что же, если зайтись за дело по-рабочему, то моему сынишке останется только играть в солдатики...

Несколько дней спустя в стортине — норвежском парламенте — во время встречи с секретарем иностранной комиссии, депутатом от Рабочей партии Хансом Оффердалом, мы услышали следующее:

— Мы (то есть норвежское правительство — К. З.) поддерживаем идею мира, предложения по разоружению, но ведь Норвегия — государство небольшое, к тому же — член НАТО. Поэтому мы не можем добиться исполнения своих желаний.

А какие-либо конкретные меры вы предлагаете?

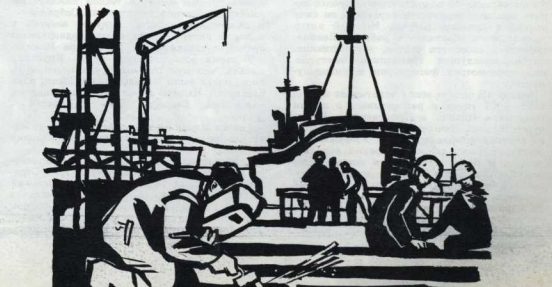
Депутат вертит в руках карандаш. Потом щелкает зажигалкой, закурирует. Пауза.

— Нет...

Да, Норвегия — небольшая страна. Но каким бы численно маленьким ни был народ, он всегда велик и непоколебим. И если народ говорит «нет» войне и вооружению, он добьется своей цели.

Ирриал ЗАМОШКИН

Рисунки Г. ХРАПАНКА.

ЮРИЙ КАУРОВ

Выбор актера на главную роль всегда очень ответствен. Правильное распределение ролей еще само по себе определяет успех будущего фильма.

Кропотливо и тщательно работу проделал киносценарист Анатолий Рыбаков, приступая к съемке фильма «В начале века».

Сложность заключалась в том, — говорит Рыбаков, — что мы должны были в своем фильме отступить от сложившегося и ставшего в некоторой степени традиционным в кинематографе образа Ленина и воссоздать впервые на экране образ молодого Ильича. Более сорока актеров пробыли на эту роль, прежде чем был утвержден молодой актер Саратовского драматического театра имени К. Маркса Юрий Кауров.

Выпускник Ленинградского театрального института Кауров сыграл на сцене много ролей. В основном это были роли его современников. Ему некогда раньше не приходилось работать над образом Ленина. Не обладая тем талантом, который был необходим актеру для создания образа юнца.

Исполняя предложенный режиссером образ

«Я не танцусь к идеалу, сильному человеку, которому мне хочется быть, и мучаюсь оттого, что это не получается у меня. Но должно получиться. Я буду учиться. Я буду учиться все, иначе я не смогу писать. Появятся, естественные две дилеммы, которые и составляют тему моего романа: это необходимость внимания к людям и упорная литературная работа», — делится читатель — в Zusammenhang с возраста и характера — по-своему прочтет дневник Виктора. Самые важные моменты, полные юношеской романтики, другой обратит внимание на студенческие годы — портретушки Виктора, третьего заинтересует прежде всего работа Головинского в газете Ильича в экспедиции.

В шестидесять лет Виктор поставил перед собой цель стать настоящим писателем. «Что в мой годы не писал стихов? Но тогда мне нечего делать в этот мир. Что бы ни делал, все будет связано с литературой, моей главной страстью, а то зачем еще жить?» И все откровенные его суждения о том, что он настоящий и достигнет этой цели.

Виктор стремится соединить воедино два потока, которые должны привести его и осуществлению своей мечты, — изучение науки и изучение искусства. В студенческие годы глубоко изучает философию, «диалектику». Прочитав столько книг, — статьи и повести, какое богатство кроется в этом слове. Цельны его мысли.

Но построение мира идей и книг никогда не было для Виктора самоцелью. Он стремится к действию, к практическому овладению

своим из сценария, Кауров решительно отказался от привычных в кино ленинских жестов, стремительной походки, грасирования, Актеру стремился раскрыть внутреннюю жизнь образа. Но по-настоящему глубоко понять природу ленинского характера он смог только в процессе работы. Молодой актер прежде всего обратился к работе Ленина, перечитал снова его статьи, воспоминания, письма, прослушал грамзаписи выступлений, просмотрел фотографии и кинодокументы.

Фильм «В начале века» охватывает период 1898—1901 годы и рассказывает о жизни Владимира Ильича в Шушенском, Петербурге, Женеве, Мюнхене. Здесь нет радости от кипения митингов, сцены возмущенного восстания, площади, вальсования народом, труппы. В Шушенском Ленин живет в маленьком, занесенном снегом домике, окруженном бескрайними белыми просторами. Кажется, он совершенно отрезан от внешнего мира и не имеет живого контакта с людьми. Но именно здесь напряженно бьется пульс ясной ленинской мысли, именно

ОКРИТКОЕ СЕРДЦЕ

Недавно издательство «Молодая гвардия» выпустило в свет небольшую, изящно оформленную книжечку «В начале века» Виктора Головинского. Это имя незнакомо широкому читателю. Головинский проявил талант уже в раннем возрасте. Году в 1931 году в 1954-м окончил филологический факультет Ленинградского университета. Работал в молодежной газете его Алтайского края, затем поступил работником в геологическую партию, которая отбывала ссылку на Саяны. В горах Виктор тяжело заболел и в 1956 году умер.

Почему же мы назвали жизнь Виктора Головинского яркой? Ведь он не совершил подвиги, не переживал необычных и грандиозных испытаний. Он успел написать только несколько очерков, зарисовок, рассказов. Один из них был написан еще при его Алтайском крае, другие представлены в книжечке «В начале века». Очерки Виктора свидетельствуют об одаренности автора, зоркости и являются живой прозой пера, поистине. Небольшое количество очерков, которое осталось от Виктора Головинского, — это тот материал, который мы сюда не представляем из себя на печати: это дневники, что он начал, начиная с 1947 года до последних дней жизни. Со страниц их можно увидеть, целенаправленного юноши, которому принадлежат все богатства таланта и силы, культуры и искусства, и споры, и любовь, и дружба, и сомнения, и радость общения с природой, и любовь, и стремление к знаниям, но не входит во внутренний мир своего современника, другой — двадцатилетний Виктор всегда стремился говорить себе и людям правду. Мы знакомимся с двумя важными периодами из них: с первым — студенческий юноша, второму — двадцатилетний исследователь.

Качественно нашел книгу Николая Островского. Еще раз вычитал. Вот это человек! Хотел бы часть его мой, мне хочется быть человеком. Что я перед ним? Ничтожество. Я часто думаю, каков бы я хотел — быть такой же, как Лейбзон, Лермонтов, Островский».

«Я не танцусь к идеалу, сильному человеку, которому мне хочется быть, и мучаюсь оттого, что это не получается у меня. Но должно получиться. Я буду учиться. Я буду учиться все, иначе я не смогу писать. Появятся, естественные две дилеммы, которые и составляют тему моего романа: это необходимость внимания к людям и упорная литературная работа», — делится читатель — в Zusammenhang с возраста и характера — по-своему прочтет дневник Виктора. Самые важные моменты, полные юношеской романтики, другой обратит внимание на студенческие годы — портретушки Виктора, третьего заинтересует прежде всего работа Головинского в газете Ильича в экспедиции.

В шестидесять лет Виктор поставил перед собой цель стать настоящим писателем. «Что в мой годы не писал стихов? Но тогда мне нечего делать в этот мир. Что бы ни делал, все будет связано с литературой, моей главной страстью, а то зачем еще жить?» И все откровенные его суждения о том, что он настоящий и достигнет этой цели.

Виктор стремится соединить воедино два потока, которые должны привести его и осуществлению своей мечты, — изучение науки и изучение искусства. В студенческие годы глубоко изучает философию, «диалектику». Прочитав столько книг, — статьи и повести, какое богатство кроется в этом слове. Цельны его мысли.

Но построение мира идей и книг никогда не было для Виктора самоцелью. Он стремится к действию, к практическому овладению

своим из сценария, Кауров решительно отказался от привычных в кино ленинских жестов, стремительной походки, грасирования, Актеру стремился раскрыть внутреннюю жизнь образа. Но по-настоящему глубоко понять природу ленинского характера он смог только в процессе работы. Молодой актер прежде всего обратился к работе Ленина, перечитал снова его статьи, воспоминания, письма, прослушал грамзаписи выступлений, просмотрел фотографии и кинодокументы.

Фильм «В начале века» охватывает период 1898—1901 годы и рассказывает о жизни Владимира Ильича в Шушенском, Петербурге, Женеве, Мюнхене. Здесь нет радости от кипения митингов, сцены возмущенного восстания, площади, вальсования народом, труппы. В Шушенском Ленин живет в маленьком, занесенном снегом домике, окруженном бескрайними белыми просторами. Кажется, он совершенно отрезан от внешнего мира и не имеет живого контакта с людьми. Но именно здесь напряженно бьется пульс ясной ленинской мысли, именно

здесь звучит суровый, боевой ритм жизни, ощущается связь Ильича с революционными максималистами России.

Сцены в Шушенском диктуют Каурову новые приемы игры: в тесной комнате неуместны динамика и экспрессия. Соробанность и целенаправленность, кипучая энергия и ясная заданность — эти качества подчеркивает артист, создавая образ Владимира Ильича. В своих воспоминаниях Н. К. Крупская писала, что они готовили революцию в ту пору, когда были молодыми, веселыми, влюбленными. Именно эта атмосфера оптимизма, бодрости ясно ощущается в фильме. Где бы Ильич ни появлялся, везде окружают его люди, и для каждого Ленин находит живой предлог для жизни. Не выходящая из рук зараженного ружья, он открылся в своей комнате, и никто не рискует войти к нему,

Виктор Головинский

но изымая искусства, к активному вторжению в жизнь. Школьник Головинский говорил себе, жить так, чтобы твои слова становились главной заповедью его жизни. Мы знаем, как часто молодые люди дают себе «отвертые обещания», в практике ничего не делают для их осуществления. Не только Виктор, но и другие — и практик, деловой парней в лучшем смысле этого слова.

В 24 год Виктор пишет: «Я научился понимать людей, понимать их слабости, их настроения, их душевные движения. Меня теперь не ошарашивают противоречия характеров, меня теперь гораздо труднее обидеть, но и увлечь». И сделал все, что начитался в «Смене», получил 3-8 разряд по лыжам. И укрепил уверенность Виктору Головинскому, как и его сверстникам, в какой-то мере тревожа обесности, словно уместны в абсолютные дали романтики, то после окончания университета его ждут другие подвиги жизни. Легко забыть о больших задачах, погружаясь в тишине повседневности, погружаясь за давным рубежом.

У Виктора — сотрудничество газет — наступает критический момент в жизни. Он недоволен тем, как себя сползает по поворачиванию.

«Последнее время, — пишет он в 1956 году, — стал больше пренебрегающим газетчином, чем Виктор Головинский, — замето заметно по моему поведению, несдержанному и неуверенному».

Виктор мечтал написать повесть о смелых людях, борющихся за коммунизм, а издательского материала у него не хватало, он терпеливо размышлял над тем, как сделать. Виктор принимает решение: решение пугало окружающих, но он решил, что он будет работать в аншаре газеты, уходить в экспедицию.

Высокая требовательность к себе, стремление к идеалу — вот что было главным в жизни Виктора. Он не боялся сомнений и неудач — а он меньше всего походил на мальчика-паньку — был воистину бойким волею. Школа, университет, товарищи по работе, общая духовная атмосфера нашего времени — все это помогло Виктору преодолевать в себе черты индивидуализма, тщеславия. Он сумел внутренне подогреть себя и решить свои задачи, которая составляла смысл его жизни, — в создании большого художественного произведения о людях-героях.

К несчастью, смерть помешала ему выпустить это произведение.

Но Виктор Головинский проявил свою силу духа, оставил о себе много следов, запечатлел в дневниках и рассказах, ставших достоянием людей.

Е. ГРОМОВ

Спокойно отворяет дверь Ильич. Он разговаривает с Максимовым так, как будто рассуждал уже вместе с ним. Виктор называет Ласковий голос, знакомое имя Ильича, его спокойные движения отвращают действие на Максимова, и он снова обретает ясность мыслей. Сцена проведена обилием актера, Максимова, с большим внутренним напряжением.

Иначе сложились отношения Ленина с Пехановым в Женеве. Давно мечта о встрече с Георгием Валентиновичем, Ленин надеется увидеть его и сорвать завязку. Но не находил объясненного, раздраженного человека, слишком пекующего о своем авторитете. Скупой и сдержанный игрок Виктор сцену с Илларионовым, ничем не выдает горького разочарования, охваченного и сорванным. Он не волнуется, не повышает голоса, только становится тверже и собраннее.

Фильм «В начале века» раскрывает новые страницы жизненной эпопеи великого человека земли — В. И. Ленина. И большая заслуга в этом молодого актера Юрия Каурова.

ГЕОЛОГИЯ — НАУКА ТОЧНАЯ

ЭКСКУРСИЯ «СМЕНИ»

Ю. РЫБЧИНСКИЙ

Фото В. Арсеньева.

Сегодня мы приглашаем вас отправиться в гости к геологам. Геологам... В воображении сразу возникают бородатые люди, шагающие по земле с молотками и рюкзаками, ночующие в шатках палатках, поющие хриплыми голосами песни у дымных костров. Головокружительные пропасти, коварные топи, глухие таежные дебри, встречи с медведями...

Тайги сегодня не будет. Медведей тоже.

...Институт геологии, петрографии, минералогии и геохимии рудных месторождений Академии наук СССР. Люди, спешащие по утрам к подъезду этого здания и ничем не отличающиеся от других прохожих, и есть геологи. С началом рабочего дня они берут в руки не компас, не молоток, не лупу, а рукоятки точных приборов,

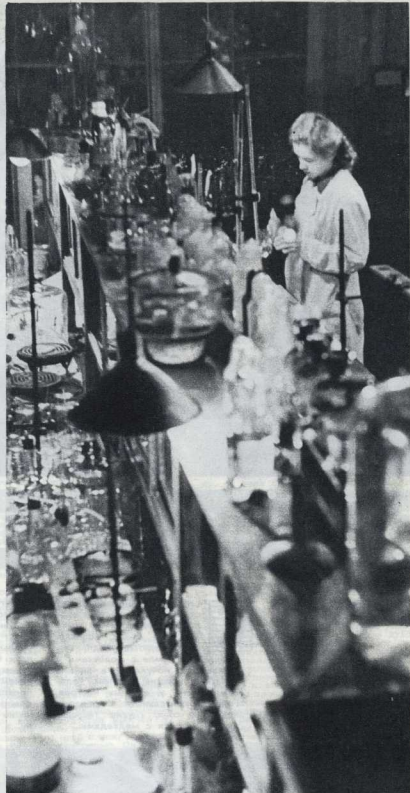
колбы, чертежи, логарифмические линейки...

Веками человечество использует богатства земных недр. Месторождения, не требующие особых усилий для их выявления, давно взяты на учет, разрабатываются, а некоторые из них уже выработаны окончательно. Потребность же в новых ресурсах невиданно велика. И с развитием промышленности мы все больше и больше бу-

Прибор, у которого работает научный сотрудник института Наталия Брангова, называется дифрактометром и служит для съема минералов с помощью рентгеновских лучей. Представьте себе, что найденный образец породы рассмотрен при большом увеличении, детально изучена его поверхность. Но для определения его состава этого не всегда достаточно. Полезных минералов тысячи, и многие из них очень похожи друг на друга. И тут на помощь приходит рентген. Когда входящий в химическую лабораторию института, не-

вольно журившись от ослепительных близов, играющих на прозрачных поверхностях стекла. В ярком свете фантастически поблескивают расставленные на столах и булыжники над лавками горелками разноцветные коалды, пробирки, реторты. Вся обстановка лаборатории чем-то напоминает необычную кухню.

Да это и есть кухня — «кухня» большой науки. Здесь определяют составы руд, обнаруживают редкие элементы, отсутствующие в минералах в обычных количествах.

дем обращаться к запасам земной кладовой.

Как же справятся наши геологи с грандиозными задачами, которые ставят перед ними народнохозяйственные планы?

...Спыт накапливался постепенно, начиная от безвестных крудо-анатцев, вслепую искавших металл для бронзовых наконечников стрел и первых железных топоров. Замечались признаки, по которым

можно было предполагать, что в этом месте есть те или иные полезные ископаемые. Со временем выделялись районы, особенно богатые медью, железом, золотом.

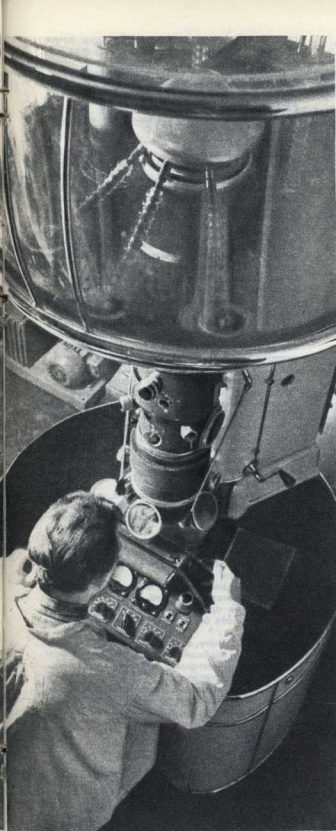
Этот опыт обобщался. Ученые, например, заметили, что геологическое строение Сибирской платформы сходно со строением Южной Африки; в отложениях сибирских рек встречается минерал пи-

роп — спутник алмазов. И вот в Якутии открыто богатое алмазное месторождение.

Нефть Ближнего и Среднего Востока великолепна по качеству, добыча ее обходится сравнительно дешево. Геологическое строение нашей Средней Азии имеет много общих черт с геологией этих классических нефтяных районов. Были начаты поиски. И первые же сваяжаны, забившие шедрыми

фонтанами, убедительно свидетельствуют: здесь геологи имеют дело с богатейшими запасами нефти и газа.

Еще один пример — недавняя сенсация в геологическом мире: в Польше открыто одно из крупнейших медных месторождений. Как открыто, случайно? Нет, существование его было заранее предсказано польскими геологами. Изучая медное месторождение

Мансфельд, расположенное на территории Г.Д.Р. они пришли к выводу, что слои медистых песчаников, уходящие наклонно вглубь, должны распространяться в пределах Польской Народной Республики. Поиски, начатые в районе города Любен, подтвердили предположение ученых.

Прогнозирование месторождений — одно из величайших достижений геологической науки. В этом направлении делаются пока первые, но уже уверенные шаги. Но прогнозирование требует и дальнейшего изучения уже открытых месторождений, проникновения в самую суть процессов минералообразования, знания тонкостей строения минерального вещества. Поэтому лаборатории геологов оснащаются новейшим оборудованием.

...Иные, прочитав эти строки, разозлятся: больше жалаты вместо прословенных котом коабоем, тыщина кабинетов и лабораторий вместо снежных обвалов и гудящих рек. А где романтика?

Геология — наука о земле. По-прежнему каждому весну снаряжают экспедиции в самые необжитые, в самые неизведанные уголки нашей страны. Но трудные их маршруты прокладываются теперь не вслепую.

Электронный микроскоп, помогающий выяснить состав и строение минерального вещества, обладает несомненными преимуществами в сравнении со своим старшим братом — обычным оптическим микроскопом, способным давать увеличение всего лишь в 600 раз.

Будто под крылом самолета, в светлом околоне электронного микроскопа проплывают накушущая разрушениям стена привудливых замков плато, расцеленные темными трещинами, песчаные гребни барханов. Это поверхность минерала, увеличенная в 35 000 раз!

КОРОКЪ ВЪ ИНТЕРЕСНОМЪ КОРОКЪ ВЪ ИНТЕРЕСНОМЪ КОРОКЪ ВЪ ИНТЕРЕСНОМЪ

САМАЯ первая на земле перепись населения была проведена в Древнем Египте в третьем тысячелетии до нашей эры. Последнее переписи проводили также в Древнем Китае, Вавилоне, Персии, Древнем Риме и Древней Греции. Все эти переписи проводились примитивным способом, и главной целью их было высчитать число головных и здоровых мужчин в стране, пригодных и воинской службе. Так как абсолютное большинство населения было неграмотным, переписчики ходили с двумя мешками: в одном лежали белые измешки, в другом — черные. Первые означали лиц воинского пола, вторые — мужского...

САМЫЙ первым знаменитое положение о том, что в прямоугольном треугольнике сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы, согласно новейшим исследованиям, высказал не Пифагор, а намного раньше кто-то из жителей Древнего Вавилона. Изучая текст на одной глиняной табличке, заполненной за двести лет до рождения Пифагора, специалисты пришли к выводу, что жители Древнего Вавилона руководствовались этим правилом. Пифагор, который теоретически обосновал данное положение, очевидно, знал об этом.

САМЫЕ первые нончики появились около 300 года до нашей эры в Риме и Галлии. Не известно, кому принадлежит приоритет, но до того времени нончики не было нигде. Древние нончики не похожи на современные их рещунце. Нончики подобны современным, были найдены в Иране, в погребении, относящемся примерно и 800-м годам нашей эры.

САМЫЙ первый яроссрод был составлен сравнительно недавно, в начале нашестидесяти годов, директором Института Орилиом в... терновой камере. Орилиом был приговорен к трем годам заключения за то, что оказался виновником автомобильной катастрофы. Тонимый снугой, он начал искать развлечения и нашел его в том, что заполнял бумажки квадратами, нарисованные на бумаге. Однажды ему понадобилось, что получается нечто интересное, и он послал свой «труд» в редакцию местной газеты. Случайная газета, поместившая игру «туда-сюда по квадрату», стала расхождением огромным. Тиром. В адрес Орилиона посыпались заказы со всех концов мира. Когда Орилиом отбыл срок заключения и вышел из тюрьмы, крупнейшим банком Юнко-Африканского Союза на его счету значилась огромная сумма...

САМЫЙ удивительный ритуал гражданского брака и развода существует, несомненно, на острове Лаз. Молодые люди, желающие соединить свои судьбы, помимо выполнения обычных формальностей, должны предельно местной администрации представить пять-шести хвостов. При разводе взимается более высокая контрибуция: целых сороч хвостов. Такой не совсем обычный «налог» введен гражданскими властями острова в целях борьбы с несметными полчищами бракосокрушителей, значительный ущерб плантациям риса. Против хищников борются различными способами: сбрасывали даже мошачки десант, но ничто не помогало, так как случается кошмар, то все они пади смертью храбрых... И когда были испробованы все обычные средства борьбы, власти острова ввели этот удивительный ритуал.

Собрал С. ФРОЛОВ.

скрыть все следы своего пребывания возле скрона. И это ему почти удалось. Подвела мелочь.

Дело в том, что под верхний слой дерна, прикрывавшего тайник, были перендикулярно положены два плоских голыща. Вот этой-то партизанской приметы неизвестный явно не знал. Видимо, он действительно не из партизан...

Кто же раскапывал скрон?

В штабе армии мне показали список лиц, выделенных для оказания практической помощи партизанским отрядам, которые заранее создавались в прифронтовой полосе. Список был кратким — четыре человека. И один из них — капитан интендантской службы Цветков.

Все встало на место. Ведь от села, где Цветков совершил побег, до хутора Диброво какой-нибудь десяток километров. И, оказавшись в лесу, Цветков, конечно, не задумываясь, пополнил свои запасы продуктов за счет партизан...

Да, но зачем он попытается опять замаскировать скрон?

Если он просто грабитель, дезертир, то не наплевает ли ему на такую «целительность», как маскировка? Наконец была та же странная аккуратность, пожалуй, даже тонкий расчет...

Впрочем, об этом надо было некогда. Гораздо важнее найти самого Цветкова.

Где он теперь? Скорей всего недалеко от фронта. Присмотрись где-нибудь, как раньше в ИТС, и тихо иждет немцев. И можно не сомневаться, что он сразу же выложит врагам все, что знает о скронах, о доверенных лицах, о руководителях партизанского движения в округе. Ведь немцы гораздо лучше умеют предугадывать, пришедших к ним не с пустыми руками...

Перебазировать скроны поздно, к тому же часть их уже оказалась за линией фронта. Судьба нескольких партизанских групп оказалась под угрозой. Кто в действительности этот самый Цветков? Только ли дезертир? А может, и вовсе не дезертир...

Только теперь я понял настоящую цену моего ошибки. Исправить дело можно было единственным путем — поймав Цветкова. Взяться за это, несмотря на прошлую неудачу, должен был именно я, хотя бы потому, что знал Цветкова в лицо.

Рассказав Пруту обо всем, я попросил разрешить мне свободный поиск. Я ожидал возражений и приготовился настаивать на своем. Но Прут не возражал.

— Выведешь завтра. Хорошо продумай «легенду». И помни, что времени мало. Обстановку на фронте ты знаешь...

ЛУЧШИЙ ВАРИАНТ «ЛЕГЕНДЫ»

Итак, я начинаю свободный поиск. Иными словами, я должен задержать человека, который скрывается неизвестно где и занимается неизвестно чем. Я могу лишь предположить, что он поджидает немцев в одном из прифронтовых районов и, возможно, работает по линии гражданской специальности — учителем биологии или, как прежде, агрономом.

Если мои предположения верны, мне остается лишь отыскать преступника среди нескольких десятков жителей прифронтовых районов. В том, что живет он под чужой фамилией, сомневаться не приходится.

Разумеется, лично проверить десятки — триста тысяч человек практически невозможно. Но метод исключения значительно сужает круг лиц, интересующих меня.

Отпадают женщины. Отпадают старики, дети, молодежь. Отпадают старожилы.

По существу, я должен искать Цветкова среди мужчин тридцати — сорока лет, приехавших недавно, а таких в каждом районе не так уж много: время военное...

Открыто высматривать преступника я, конечно, не могу. В маленьких городах и поселках слухи расходятся быстро, и, пожалуй, Цветков услышал бы обо мне прежде, чем я о нем.

БУДУ К НАЖИДАНИЯМ

РАССКАЗ ВОЕННОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ

Рисунки А. БАБАНОВСКОГО.

(Окончание.)

Начало см. в №№ 11, 12 и 13)

Для ночлега выбрал избу на отшибе. А ведь без поддержки народа мы немного стоим. Понял меня?

— Понял, Лев Ильич.

— Ну и хвяти об этом.

КАПИТАН СНОВА ПОЯВЛЯЕТСЯ НА СЦЕНЕ

Прошел месяц с тех пор, как сбегал Цветков.

Уже давно стояла весна. С теплом противник заметно смикнулся.

Несколько раз фашисты пытались вклиниться в нашу оборону и выйти к широкой излучине Донца. Пока им это не удавалось. А батальон удачливого Кононова даже потеснил немцев километра на три. Кононов ходил героем и угощал всех трофейным шоколадом.

В дивизии произошло еще одно немаловажное событие. Был сбит «фокке-вульф». Он развалился в воздухе, а летчик, выпрыгнувший с парашютом, приземлился прямо перед штабом полка.

На допросе он заявил, что в ближайшее время ожидается решающее наступление немцев...

Както вечером в прокуратуру зашел молодой человек в шатском, но с наганом. Он с Прутом долго шептались над раскрытой картой.

Потом Прут подозвал меня.

— Хожу, поручить тебе дело. Вот познакомься: инструктор Краснолиманского района товарищ Белик.

Прут невесело продолжил:

— Видишь ли, Алеша, обстановка на фронте такова, что диванцы, возможно, придется стойти, причем в самое ближайшее время. А вот у них... Прут вздохнул... — большая неприятность. Возле хутора Диброво какая-то сволочь откопала в лесу партизанский скрон — секретный склад с продовольствием и медикаментами. Взял шик с консервами. Но дело, конечно, не в этом ящике. Сам понимаешь, каково придется партизанам, если по приходе немцев, а это, к сожалению, весьма вероятно, они узнают о скронах. Кстаи, ведь там спрятано и оружие.

О скронах знают ситанные лица. Двое партизан — они вне подозрений — и несколько наших офицеров...

На следующий день я был уже на хуторе Диброво.

Здесь я выяснил одну любопытную деталь. Неизвестный затратил немало трудов, чтобы

МАЛЕНЬКАЯ ГЛАВА, В КОТОРОЙ Я ПОНИМАЮ СВОЮ ОШИБКУ

Вернувшись в дивизию, я должен Пруту о случившемся и получить пять суток домашнего ареста.

Наказание это носило скорее символический характер: ведь домом меня была прокуратура. Как и прежде, днем я занимался служебными делами, как и прежде, вместе со всеми коротал вечера. И лишь дурацкие шуточки Гельтнера напоминали мне о моем домашнем аресте.

На шестой день Прут сказал мне: — Теперь, я думаю, можно поговорить о деле.

Мы помолчали: в деловых разговорах Прут спешки не любил.

— В чем именно ты видишь свою ошибку? Я ответил:

— Во-первых, в том, что не остался в поезде. Нужно было сидеть и ждать, пока исправят мост, а не пускаться в сомнительное путешествие да еще с арестованным. По существу, я сам и создал условия для побега Цветкова.

— Ну, допустим... Хотя я лично не согласен с тобой. Нельзя было сидеть в поезде до бесконечности... Еще?

— Я разрешил Филенко дожурить вместо меня, хотя видел, что он едва держится.

— Ты тоже едва держался. Боюсь, что то, что случилось с ним, могло случиться и с тобой... Еще?

— Я молча думал. Что имеет в виду Прут?

— Не знаю, Лев Ильич. — Помоему, Алеша, ты совершил одну, главную ошибку. В тяжелой обстановке надо идти за помощью к людям. Ведь и в поезде, где вы ехали, и на ферме, и в селе, где ночевали последние раз, тебе окружали советские люди. Были там, наверное, и коммунисты, комсомольцы — твои же товарищи. А ты сторонился людей. В лес вошел без проводника.

Позому и нужна легенда, которая, в силу возбудки никаким подозритель, объяснила бы, почему я коую по прифронтовым районам и шду наездом повзвешего мужчину тридцати—сорока лет.

Перебрав я около несколько вариантов «легенд», я останавливался на следующем: «Я приехал с передовой в краткосрочный отпуск. Ищу младшего братишку, который жил с родителями на шахте. Родители погибли при бомбежке, а братишка ушел с собой как-то командир, отлучившись из армии по ранению. Слышал я об этом от людей, фамилия командира не знаю. Говорят только, что поселился он где-то в этих местах».

Подобной историй в то время трудно было что-нибудь угадать. Я мог спокойно появляться всюду, не привлекая к себе особого внимания.

И вот — поездка, покинутые машины, щербатые шоссе и коровье, продавленные танками проселки.

И вот — кирпичные, с выбитыми окнами здания райисполкомов, домини сельсоветов, хаты, землянки, временки...

— Вы директор МТС?

— А коли я, так кто?

— Вы поминаете, у меня такая история произошла... Родители жили тут неподалеку на шахте, и братишка с ними... Бомбежка, сами поминаете...

Директор слушает, сочувственно причмокивая. Думает вслух.

— Командир? Агроном по специальности? Ни, такого нема. Петро приехал в отпуск, так то не агроном и вообще хлопцев, девятнадцать ровик, може, двадцать. Ни, чего нема...

— Километр за километром, день за днем. Пошли уже четвертые сутки.

— Простите, вы заводящий район?

Немолодой грузинский мужчина в гимнастерке открыл по-традицианному воротом поднимает голову.

— Я.

— Вы знаете, у меня такая история получилась. Родители нам жили тут неподалеку, на шахте...

За несколько дней я совсем скликал со своей «легендой». Она обрела подробности и звучала так правдиво, что я сам почти верил в нее.

Я уже готов был в пятнадцатый или двадцатый раз услышать выносите вперед, как вдруг заводящий подоцканул к себе железный ящик, видимо, заменявший сейф. Достав какое-то «личное дело», углубился в анекдот.

Я следил за ним, почти не дыша. Неужели?... — Вот этот товарищ принят к нам на работу неделю назад. Временно принят. Фронтон, по профессии педагог, имеет отпуск по ранению. Работает заведучем в Кузевской средней школе. Гуськов Андрей Владимирович, тридцать шесть лет. Впрочем, есть ли с ним «личка», я не знаю. В анекдот об этом ни слова.

Я взял «личное дело». Анкета, автобиография. Гуськов Андрей Владимирович. А справа строчка характерно загибается вверх. А у меня, как поминать, железный кирпичик.

А в автобиографии перечислены с небольшими вариациями все цветковые «заслуги»...

— Ни, никаких сомнений, ни!

— Какое, где находится Кузевская средняя школа?

— Как где? Конечно, в Кузевоме. Отсюда до села километров пятнадцать. Рано утром будет рабочий поезд, тогда и доберетесь.

Я не вышел, а буквально выскочил на улицы городов в пятнадцать километров от меня! Я готов был сейчас же хоть пешком идти, хоть бежать в Кузевому.

В ДЕТЕКТИВНЫХ РОМАНАХ ВСЕ ПРОЩЕ

Но теперь, когда выяснилось, что моя версия правы, мне вдруг снова вало сомнение. Ведь здесь, поблизости от расположения нашей армии, многие могли просто случайно узнать Цветкова. Он поминать, чем это может ему грозить. И вряд ли человек, думающий только о своей жизни, пошел бы на такой риск...

Может, и Цветков это еще какие-нибудь сообщатель, но известные мне?

Что же это, выяснится скоро, когда я возьму Цветкова.

...Но как мне задержать преступника? Ведь Цветков, конечно же, будет отчаянно сопротивляться: теперь ему нечего терять. Ему, как говорится, так вот ввал рисковать.

А я не могу рисковать. Я не могу вторично провалить дело. Я обязан действовать только навстречу.

...Интересно, как поступил бы в этом случае герой моей книги Антон Лавов, следователь для старшего школьного возраста?

О, этот отбалбал бы все в два счета. Прищурил глаза, слегка вслепленные после восьми бессонных ночей, он велел бы одному агенту, погнавшись за преступником, похлопаться в доме негритя Цветкова, другому, передоветому кузнецом,— в доме справа, а третьему агенту, передоветому гастролирующим театром,— в доме слева. Четвертого, молодого, непопраного студента, он оставил бы при себе, чтобы тот задавал минные вопросы, а старого, опытного сыщика поместил бы в саду, в том самом месте, куда уважающие себя преступники имеют обыкновение в случае опасности прыгать с третьего этажа. При таком постановке самому Антону Лавову оставалось бы только появиться в последний момент, чтобы спокойно произнести неудовольствующую фразу: «Игра окончена, Цветков!»

Увы, я так действовать не могу. Во-первых, кривой ноги—школа не та. А во-вторых (это тоже имеет некоторое значение), моем распоряжении имеется один-единственный лейтенант—лейтенант Кретов, я сам...

Я пошел в райком партии. Первый секретарь, погнавшись, один за одним, просмотрел все мои документы, в том числе и санкцию Прута на арест Цветкова. Почесал переносицу, вздохнул.

— Все ясно! А людей нет. Просто не знаю, что и делать. Все в колумбийский слезб вылезает, скот эвакуируют. Прокурор том возмат. Удивляюсь, как само-то я на месте оказался... Миллионерный? Есть двое, да их трогать нельзя. Хоть какой-то порядок на станции и на дороге... поддерниваю,— секретарь ушибился— миллионскую форму люди все-таки уважают... Так что же нам в самом деле?!

Минутку...

Он потянулся к телефону.

— Палекийн! Степан Кузьмич, зади!

Минуту спустя пать зашел уже знакомый мне заводящий районю.

Палекийн слушал меня спокойно, только головой покачивал.

— Как, Степан Кузьмич,—спросил секретарь—поставь в Кузевоме! Сам поминать, чем дело пахнет. Обращаться к тебе как к старому коммунисту.

Палекийн развел руками:

— Куда же деваться... Надо ехать. Машина у Игоря Ивановича, на ходу!

— На ходу-то на ходу, да мне сейчас в Гулево ехать...

— Тогда утром поездом,—сказал Палекийн. Я уговорил его сейчас же идти на станцию: арест подвернется оказия.

В ГОСТЯХ У ДИРЕКТОРА ШКОЛЫ

...Станция. Кирпичный вокзальчик цел. Сидим на лавочке, ждем. Обиднее всего, что поезда нет, но почему-то только в обратном направлении.

— Степан Кузьмич! А вы у этого самого Гуськова документы проверили?

— А то как же. В полном порядке документы. И стаж есть и опыт работы. Об одном только мне поминать, пожелал отпуск по ранению ему дали всего на три месяца, потому и оформились временно. Так что по всем параметрам он меня вокруг пальца обвел.

А вот и попутная оказия—длинный состав поездов зашел в Кузевоме.

К постукиванию, где сидеть, подыщемаям же в темноте. Подыщемаям— и проважам на полном ходу.

Раздумывать некогда.

Прытчим, Степан Кузьмич! Разводит руками.

— Куда же деваться...

Прыгну первому, привычно прыгнуа ногом. И сразу в ступеньки, когда я унесся атому, проходил иривитку на московских трамваях. Ведь следователь должен быть готов ко всему.

Увы, Палекийн в следователи не готовился... Впрочем, это шумно трещит растущий по откату уго устарин...

Сбегаю вниз. Палекийн сидит на земле, охая, стряхивая с пиджака колочки и песок.

— Цель?

— Вроде цел.

— Но когда встанет, оказывается: растянул ногу. Эх, Степан Кузьмич...

Медленно шагаем к Кузевоме. Пропускаю Палекийна вперед. Он идет, прихрамывая, аккуратно ставя бочком большую ногу.

Впереди встает человек. Еду. Еду один человек, которого я никогда не забуду.

Я много читал о коммунистах. Железная воля, кристальная честность, каменное упорство. После этих могучих слов члена партии, которых я встречал, складывал какими-то слишком обычными словами.

Да и сейчас идет рядом со мной обыкновенный человек, пожилой, грузный, флегматичный. И работа у него какая-то флегматичная: сидит в кабинете, толкует с посетителями, добродушно и прыгает на ходу с мебели в железный ящик. Жена и дочка в Андижаре.

А пондобилось—и едет задерживать преступника, хоть и годы не те, и дело это вовсе не его, и под лупу лезть не обязан. Пондобилось—и прыгает на ходу с мебели, впервые в жизни.

Зачем он все это делает? Не по приказу, не для карьеры—просто много лет назад человек этот, вступив в партию, добровольно взял на себя ответственность за все хорошее и все плохое на земле. За то, чтобы не было плохого...

Вот и Кузевомка. Чуть на отшибе кирпичное здание новой школы. По словам Палекийна, директор ее Амосов живет с семьей при школе, в каминной пристройке. Пронзительный звук, хлосает, мил там же. Теперь он в армии. Скорей всего, его комнату и занял Цветков.

Директора я еще не спят: сейчас стани чуть свет, бивается белый свет.

Посоветовавшись, решаем поступить так. Палекийн зайдет в дом один. Если встретит Цветкова, останется в доме до утра, объяснив своей приезд простым желанием лично ознакомиться со школьными делами. А на рассвете вступит меня в дом, и мы арестуем преступника, застав его врасплох.

Если же Цветкова дома нет, Палекийн сразу же скажет, что приехал с представителем венской части по заготовкам фуража, и поинтересуется.

Цветкова дома нет. Спусти несколько минут вслед за Палекийным я прохожу в большую освещенную комнату, представляющую хозяина. Амосов, высоненный сухопарый мужчина, задержавшись, молча выпячивает курчурный грудь. Жена его, учительница, протягивает мне руку неловко, с деревенской застенчивостью.

Сдается, обещал бы рады гостям.

Отглядываю квартиру. Чистота и прочный уют, который создается годами.

Пока хозяева хлопочут об ужине, Палекийн вполголоса рассказывает обо всем, что успел узнать.

Детально, Цветков живет здесь же. Но два дня назад он уехал куда-то за вещами. Его ждали вчера вечером и сегодня. Приезжает он может каждую минуту: ведь поезд ходит без расписания.

Да, тут есть над чем подумать.

АМОСОВ — СООБЩИНИ!

Я сижу как на гвоздках, прислушиваясь к каждому шороху. Разговариваю мало и, к огорчению хозяев, почти не приглаголюю к ужину.

...Что будет, если Цветков, вернувшись, прежде чем войти в дом, заглянет сюда сквозь щель в ставнях?

Быстро пересяжамся на диван, спиной к околу.

Чертовски медленно тянется время. Нервы напряжены.

Кованья, такое разумное сейчас—немедленно погасит свет. К сожалению, это зависит не от меня. А Папанин, кажется, не на шутку разговорился.

Наконец хозяева, обдумав с начальством все возможные дела, светом постели.

Нагбасью, чтобы снять сапоги, и замираю. Отмечая доносится ржавый скрип наружной ставни.

Быстро оборачиваясь к окну. Створки ставни, но этого полно прикрыты, медленно отходят назад.

Ну же! Цветков!

Молча бросаюсь во двор, в сенях выхватываю пистолет. Побегать—выстрело.

Но во дворе никого нет. Луна светит. Сдвинув ставни, жду несколько минут. И снова скрип. Так и есть: ветер безобразничает.

Возвращаясь в комнату, ругая себя за нервы.

Все спят. А я жду Цветкова. Вернется ли он сегодня ночью? Вернется ли вообще?

Уже часа полтора прошло. Но спать, оказывается, не все. Хозяин не спит. Лежит, укрывшись с головой, и следит за мной из-под одеяла.

Потом осторожно приподнимается и тихо, сюда, надевает ботинки. Медленно зашнуровывает ботинки. Бесшумно ступая прямо по одеялу, выходит в коридор.

— Куда это он ночью? И что делать мне? Либо звоню в сенях дверная цепочка. Чуть хрюстнула ключ в замке.

Теперь ясно: Амосов уходит. Босиком, в одних трусах, прихватив только пистолет, бросаюсь за ним. Неспешно прохожу по коридору, открываю дверь.

Амосов бежит через двор к воротам. И снова некогда раздумывать. Негромко кричу:

— Стойте! Буду стрелять. Выходя, он останавливается. Ступил, вобрав голову в плечи, медленно идет назад, неотрывно глядя на мой пистолет.

— Вы куда хотели идти?

Глухо отвечает:

— В школу. Забил запретить библиотеку.

— Зачем врать?

Он молчит. И, что самое тревожное, даже не спрашивает, по какому праву я задержал его. Даже не удивляется.

Может, он сообщил Цветкова и понял, кто это? Может, Цветков находится где-то поблизости и Амосов хотел его предупредить?

Тихо входя в дом. Амосов стоит посреди комнаты, испуганно глядя на меня. Повинуясь моему взгляду, снова укладывается на полу. Конечно, до утра оба не спим: следим друг за другом. Цветкова все нет.

МЫ ГОТОВЫ.

КАК ЖДЕМ

Мы готовы быть? Он может появиться каждую минуту. У него это обязательно нужно сделать две вещи: во-первых, спроводить куда-нибудь жену и дочь хозяина—мало ли что произойдет сегодня в этой квартире...

Во-вторых, необходимо выслать истинные взаимоотношения между Амосовым и Цветковым.

Хозяйка зовет завтрака. Шепотом рассказываю Папанину о ночном происшествии.

Папанин сокрушенно качает головой. — Ступай Кузьмич! Вы не упускайте Амосова из виду, ладно? Все время будьте с ним.

— Да нет,—бормочет Папанин.—Что-то не то. Я же его знаю. Двенадцать лет работает коммунист. Знаете что? Посоворам с ним в открытую, а! Ей-богу, стонт. Я же его знаю. Подумав, соглашаюсь.

Хозяйка возится на кухне с завтраком. Мы втроем: Амосов, Папанин и я. Спускаю руку в карман. Директор школы в ужасе смотрит на меня, его тощая шея вытянута и напряжена.

— Вот мои документы, товарищ Амосов.

В удостоверении каких-нибудь пять строчек. Он продолжает читать мгновением. Потом еще раз. Потом еще.

— Так вы следователь?

— Следователь. Я приехал арестовать Гуськова. Теперь ваша очередь рассказывать, товарищ Амосов. Куда вы хотели идти ночью?

Три минуты медометий. А потом Амосов, чуть не плача от волнения, признается, что ночью побегал в село за людьми. А люди ему понадобились, чтобы задержать... меня.

Оказывается, еще за ужином он заподозрил что-то неладное: чего это, мол, гости все поглядывают на окно? А когда я внезапно выскочил из дома, директор твердо решил, что я не тот, за кого себя выдаю...

Хорошо, что я его вовремя остановил. А то дорого обошлось бы мне бдительность Амосова. Легко представить себе, какой шум наделала бы в округе эта история...

Мы с Амосовым долго, с откровенной радостью трясем друг друга ружья. Затем директор бурно принимает мое предложение и со всеми конспиративными ужимками ведет меня в комнату Цветкова.

Комната как комната. Кровать, тумбочка. На тумбочке вместо пепельницы—пустая консервная банка. Новенькая банка, даже этикетка целая.

И в армии, ни гражданским такие консервы не выдавались. Единственная партия—сороскицков—была целиком передана партизанским группам...

Значит, действительно Цветков хозяйничал на сцене. Теперь оставалось под каким-нибудь предлогом спроводить из дому семью Амосова. Директор взял это на себя. Но лицо у него было такое возбужденное и загадочное, что я с сомнением проговорил:

— А может, лучше вашей же мне правду скажете?

— Верно,—поддержал Папанин.—Жены—такой народ, правду скажешь, и ты не поверят. А соврешь, так вообще черт те что заподозрят.

Амосов, несколько покусичев, отправился говорить мне правду. Минут через пятнадцать она ушла вместе с дочкой и, перед тем как уйти, многозначительно пожала мне руку.

Мы остались втроем. Я расположился в самом темном углу комнаты, так, чтобы разглядеть меня с улицы было невозможно. А мне сквозь оконные стекла был виден весь школьный двор, по которому Цветков обязательно проедет, возвращаясь.

Папанин, полувлема на диане, флегматично ждал развития событий.

Зато Амосов был по-прежнему возбужден, разговаривал только шепотом, ходил только на цыпочках, и в глаза его горел взлохотневый огонь разведчика.

— Но прошел час, другой. Я ждал терпеливо. Что поделается работа следователя процентов на сорок в том и закончатся, чтобы ждать. А помощники мои засучили, Амосов то и дело порывался на улицу, чтобы «разведать обстановку». Даже Папанин стал поглядывать на часы.

Я спросил: — У вас, наверное, дела в школе? — Амосов с достоинством ответил: — Мне необходимыми здесь!

Паразитилась, а все-таки предложил им пойти в школу. Мало ли какие дела к директору могут быть у учителей или колхозников? Не найдя Амосова в школе, он мог бы зайти к нему домой, и через полчаса все село манев гадать: «Почему это директор не в школе? Что за военный приехал к нему с завещанием района? В честь чего они втроем безумно сидят дома?»

В дворе, как всегда, расхаживает быстро. И Цветков, вернувшись в Куземовку, узнает о моем приезде от первого встречного...

Потому мы решили так: Амосов с Папаниным пойдут в школу и будут наблюдать за дорогой стая. Если увидят, что новый зауч прошел мимо, поспешат ко мне на помощь.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Я остался один. Сразу захотелось спать. Говорю, в таких случаях надо пить: помогает. Но шаров посто отлекает, мыши идут за мной послушно, как коровы за пастухом рожком. А мне нельзя отвлекаться.

Потому я принялся навевать самую плохую из известностей мне песен—небольшой цаганский романс, запомнившийся именно благодаря своей нелепости.

Впрочем, романс этот я допеть не успел. Я увидел Цветкова. Он быстро шел через школьный двор, помявшись пузатым портфелем. Защитный костюм полувоенного образца сидел на нем ладно, даже щеголевато.

Я слышал, как он своим ключом стотомилу вздвинул дверь. Потом он что-то делал в коридоре. Толкнув дверь, вошел и прикрыл ее мягким движением плеча. И лишь после этого увидел меня.

Вот мы и встретились. Лицом к лицу. Один не один.

Мой пистолет на уровне его груди.

— Руки!

Он медленно поднимает руки. В правой ладони покатывается портфель.

И вдруг портфель этот с силой летит мне в лицо.

Инстинктивно заслонюсь рукой. От удара пистолет падает на пол. В последнюю долю секунды все-таки успевая выстрелить—пуля сбивает диктаторку над дверью.

Цветков бросается пистолетом. Едва успевая носком сапога отшвырнуть пистолет под кровать, в дальний угол. Наваливаюсь на Цветкова.

Оба летим на пол. С грохотом опрокидываемся спиной. Скачет Цветкова за горло, пытаясь прижать его к полу. Он بشенно сопротивляется. Впрочем, теперь уже трудно сказать, кто сопротивляется, потому что сверху Цветков.

Мы катаемся по комнате, молча, тяжело дыша. На лице у меня кровь. Мож ли Цветков?

Стон! Я же знаю несколько приемов самбо. Меня же учили этому.

Прием нулевой проводит мгновенно. Но я слишком устал. И вот медленнее, как на первой тренировке, начинаю заламывать Цветкову руку за ступню.

А он тоже устал. И тоже не может резко вырвать руку. И неизвестно, чем все это кончится. Вся сила, что еще есть, и вся усталость сосредоточены в кистях рук—моих и Цветкова...

Хлопает входная дверь. Кто-то вошел. Кто-то

говорит:
— Рукун! Рукун! Держите... Ах ты!.. Ох ты!.. Вот так... так...

Цветков больше не сопротивляется. Но я все-таки держу его за руки. Грузный Палкин сидит на нем верхом. Амосов ссаживает ногу своего бывшего «звучача» собственным галстуком.

— Что-нибудь покрепче есть у вас?
— Ну, конечно же, что я... Веревка есть на кухне. Вот ремешок...
— Цветков, надежно связанный, лежит на полу. Я сижу рядом. Отдохну чуть-чуть — спяду на диван. Руки еще дрожат. Это ничего. Это от усталости...

— Товарищи! Вы можете мне довести его до города?

— Безусловно! — горючо отвечает Амосов. — Взялся за гуж... улыбается Палкин.
Я поднимаюсь и сажусь на диван. Рукун все еще дрожит. Немного погодя улавливаю рядом Цветкова.

Амосов водит глазами по комнате. Видно, ему очень хочется поставить стулья на место, но неудобно делать это в такой момент. Потом он уходит на полустанок, узнав, когда будет какой-нибудь поезд.

ВСЕ СТАНОВИТСЯ ЯСНЫМ С ПОЛУСАВА

Втроем мы довели Цветкова до города. Отсюда уже специальным конвоем он был доставлен в штаб армии. Потом отправлен еще куда-то.

Так что кончал дело не я, а какой-то другой следователь. По этому поводу Климичко заметил:

— От порядка! Ты ищешь, а пенки снимают дадут.
— Важно, что дело доведено до конца, — сказал Прут и, помедлив, повторил: — Успешно доведено до конца.

Я знаю, Прут хочет меня похвалить. Но так бы устроен наш прокурорский помощник всегда умеет, а похвалить — как-то не получается.

Сделать это вместо него попытается Гельтур. — Самое главное, что во всей этой истории ты, Алеша, показал себя... ну, не умным человеком — это было бы слишком смело сказано, — во всяком случае, не таким уж безнадёжным идиотом!

Этой трогательной фразой начальник нашей канцелярии как бы подвел черту под моим первым серьезным делом.

Впрочем, он несколько поторопился. Месяца через два, когда мы наступали, в маленьком зеленом городке мне случайно встретился знакомый майор, следователь из отдела армейской контрразведки. Говорил о разных разностях, а потом я спросил:

— Как там трибунал с моим Цветковым решил?

— С jakim Цветковым!
— Ну, с капитаном! Там, что в штабе раньше служил. Интендантом.

— Ах, э-э-э... Майор помедлил... Видишь ли, брат, его в Москву забрали. В наше Главное. Той «приятель» оказался не совсем интендантом. И не совсем Цветковым. И, между прочим, не Ивановым, не Петровым и не Сидоровым. Ясно?..

Я молча устался на майора.

Он достал карандаш и на блонтированном листе по папке набросал план местности, где я ловил Цветкова. В трех местах дал штриховку.

— Видишь? Здесь формировались партизанские соединения — теперь это уже не тайна.

Я разглядывал заштрихованные пятна.
— Одно — возле Сербовки. Другое — рядом с Кремными. В центре третьего — Кузюмова.

— Откажи тебе повелю, — сказал майор. — Но, в общем, намерение этого типа ты угадал правильно. Интуиция у тебя есть. А это в нашем деле, может, самое главное. Это, как в старину говорили, от Бога. Ни в какой академии интуицию не преподают...

«Значит, э-э-э... как его там, значит, он фактически разведчик?» — хотел спросить я.

Но не спросил. Следователь следователя должен понимать с полуслова.

Конец.

ДВЕ РОЛИ ДВА ОБРАЗА

Лили Трунина повела. Первой большой работой, которую она получила в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко, была роль Наташи Соколовой, нашедшей современники-комсомолки, в балете советского композитора Антонио Спадавеккиа «Берег счастья» — роль, которую Лилия «унаследовала» от лучшей балерины этого театра Влодзеты Болт. Наташа — это первый образ с «именем», созданный Труниной на балетной сцене после того, как в 1956 году она распрощалась с хореографическим унизимом Большого театра.

В классической балете можно всю жизнь танцевать «вторую вариацию», «четверку лебедей», мазурку и вальс, ни разу не быть героиней и все же воплощать в танце нраву целых человеческих переживаний. У Лили Труниной дарование особое. Чувства своей героини она раскрывает в развитии, и зритель видит как бы биографию, судьбу, прошлое и будущее Наташи. Тонко и трепетно передает молодая балерина душевное состояние героини. Театру имени Станиславского и Немировича-Данченко давно была нужна танцовщица именно такого диапазона — подлинная актриса, которая могла бы создать цельный образ.

Л. ТРУНИНА (НИНА) И В. ЧТИРЕВ (АРБЕНИН)
В БАЛЕТЕ Л. ЛАПУТИНА «МАСКАРАД».

Так был сделан первый шаг на пути к большому искусству.

И вот новая роль. Лилия Трунина танцует Ниноу — героиню леонтовского «Маскарада» — в балете, поставленном театром на музыку Л. Лапутина.

В центре спектакля — трагедия Нины. Сейчас трудно сказать, таков ли был замысел постановщика Игоря Смирнова или образ Нины стал основным благодаря мастерскому исполнению Лили Труниной. В рецензиях на эту постановку балерина Большого театра В. Лопухина верно отметила, что черты непосредственности и неискренности, «столь созвучные требованиям драмы Леонтова, определяют характер, созданный Лилией Труниной. Она вся точно светится...».

Молодая балерина трепетно передает сложную гамму переживаний Нины: ее простодушное опущение радости жизни, безмятежную любовь к мужу, тревожное предчувствие трагедии, наконец, жажду жизни, когда она узнает о роковой ошибке Арбенина. Зритель ясно видит, какая пропасть лежит между Ниной и миром эжи и коварства.

Вез такой Нины — Труниной не смогла бы прозвучать в спектакле леонтовская тема столкновения простого и высокого человеческого чувства с холодным расчетом и низостью окружающей среды.

Лили Трунина — актриса не только романтической поэзии, но и глубокого реализма. После «Берега счастья» думалось, что ни во всякой балетной партии может раскрыться ее индивидуальность. Но теперь, когда пошла два спектакля, когда зрители испытали наслаждение от встречи с истинным талантом, мы ждем от Труниной новых творческих успехов. Она нашла свой путь, и можно надеяться, что талант, в котором всегда росли талантливого балетную молодежь, поведет ее по этому пути и дальше.

А. ТАМАЕВ

Фото Г. КОРАБЕЛЬНИКОВА.

МЯЧ НА ВОДЕ

Фото А. БУРДУКОВА.

...ринадцать лет назад я впервые выступал за сборную СССР по водному поло. Кажется, это было совсем недавно. Однако в развитии советского водного поло — интересной, мужественной и трудной игры — этот срок составил, по сути дела, целую эпоху. Позади остался нелегкий путь: Олимпийские игры в Хельсинки, Мельбурне и Риме, чемпионаты Европы в Турине и Будапеште, десятки встреч с сильнейшими командами мира — Венгрии, Италии и Югославии. Тринадцать лет истории сборной команды Советского Союза — это и годы моей спортивной биографии.

...Я был худощавым, нескладным мальчишкой. На улицах Битнис много такти. И все мы любили ходить на берег стремительной Курьи, любил смотреть на ее пенные воды... Уже в то время я занимался плаванием. Был чемпионом страны среди юношей. Постепенно привыкал к водному поло. Однако я еще колебался в выборе. Судьбу мою решили два случая.

Однажды после соревнований устроили показательную игру в водное поло. Команды состояли целиком из пловцов. Против меня выступал известный пловец Н. Крюков. Он плавал значитель-

Петр Мшвениерадзе — капитан сборной команды СССР, один из популярнейших мастеров водного поло. Сейчас он, без сомнения, лучший центральный нападающий в мире. Огромная физическая сила и отличная техника владения мячом дают возможность Мшвениерадзе показывать истинные шедевры технического мастерства. Не случайно Бела Райни, руководитель и тренер венгерской ватерполольной команды — неоднократной победительницы Олимпийских игр — в своей книге «Водное поло» сравнивает П. Мшвениерадзе с жокеером.

Сегодня Петр Мшвениерадзе у нас в гостях. Он рассказывает о своем пути в спорте и о тех проблемах, которые стоят сейчас перед советскими ватерполистами, завоевавшими в прошлом году серебряные олимпийские медали...

ДЕВЯТЫЙ ТУР

КОММЕНТИРОВАНИЕ
ПАРТИЙ

Своеобразным конкурсом на лучшее комментирование является девятый, последний тур нашей шахматной олимпиады. Участникам предлагается выработать разбор ход борьбы в двух партиях, текст которого приводится ниже, и прокомментировать их, то есть сделать анализ собственных или чужих замечаний.

Июри просит учесть, что требования, предъявляемые к комментарию девятого тура, не суровые. Они рассчитаны на шахматистов

среднего уровня игры. Поэтому курсусу глубокий, насыщенный большим количеством вариантов анализ в данном случае не обязательен. Необходимо лишь правильно оценить действия противника в дебюте, выявить сильные и слабые моменты в игре партнеров. Остановиться на поучительных, эстетически вычлещенных эпизодах.

Не следует забывать и о том, что комментарию нужно давать простым, доступным языком, без всяких витквостей и выспренных выражений. Основной текст ходов дается в столбик, в полной шахматной нотации. Комментарию приводится с красной строки, а варианты

даются в сокращенной нотации в строку.

Качество комментарию и разбор партии будет оцениваться по десятибалльной оценке. За отличные примечания и обилие вариантов можно получить 20 баллов.

Последний срок представления работ по девятому туру олимпиады — 10 сентября 1961 года.

1-я партия

1. d4 Kf6 2. c4 e6 3. Kc3 Cb4 4. a3 C:c3+ 5. bc d6 6. f3 0-0 7. e4 e5 8. Cb3 Kc6 9. f3 Kd7 10. 0-0 b6 11. Ce3 Ca6 12. Kc3 Ka5 13. Фe2 Фe 9 14. f4 f6 15. Лf3 Kp b6 16. Лa1 Ф7 17. f6 de 18. d5 Kb7 19. Kf5 Kd6.

(Диаграмма)

20. Лb3 g6 21. Kb6 Фg7 22. g4 e5 23. Лb5 Kc5 24. C:c5 bc 25. Лf3 Фe7 26. Лb3 Cc8 27. Фf2 Kc6 28. Лf3 Kc7 29. Лf3 Cc7 30. Лf3 Cc8 31. b4 Фb2 Лf2 31. Kc3. Л:3 32. Лf3 Лb3 35. Фb4 Лb3 36. Лf2 Л:3 37. g5 Kc8 38. Ф7 Фd8 39. Kc4 Л:7; d3 40. Л:3 c3 C:e4 41. Лd3 Kd6 42. K:e5 Cf5 43. Л:5 K:f5 44. Kf3 Kc6 45. Лf7 Лf7 46. Лf7 Kp f7 47. Re5+ Kp f8 48. Ф:b7. Черные сдались.

2-я партия

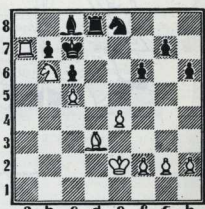
1. d4 Kf6 2. c4 e6 3. Kc3 Cb4 4. Фe3 d5 5. a3 Ф:c3+ 6. Ф:c3 Фe7 7. Ф:c4 0-0 8. Cf5 Ф:9 Kf3 Ф7 10. e3 Фa5 11. b4 Фd5 12. Фe2 b6 13. Cc4 Фb6 14. C:f6 K:f6 15. e4 Фe7 16. 0-0 a5 17. Лb1 ab 18. ab C:d7 19. C:d3 Лd6 20. Фc3 Ne3 21. Ф:c3 Kp f5 22. Лa1 Ф:c3 23. bc Kp e7 24. Лb1 Л:1 25. Л:1 Cc8 26. Kp f1 e5 27. K:f1 K:d4 28. Kne3 f6 29. Kc4 Лd8 30. Лa7 Kp d7 31. Kb4+ Kp:c7.

(Диаграмма)

32. Cc8 Kd6 33. K:c8 Kp:c8 34. e4 b4 35. Kc3 Kp f8 36. Л:1 c6 Kp f7 37. Л:c7 Kp f8 38. Лf6 Kp5 40. Л:1 h6 Kp f4 41. Kp:c3 a2 42. Kp f4 a4 43. Лb5 Лd4 44. Лd5+ Kp:c3 45. Лd1 a3 46. Kp f5 a2 47. f4 a4 Ф:4 48. Л:1 a1 48. Kp:f6 Лa6+ 50. Kp f5 Kp d4 51. e5 Kp f5 52. g3 Лa6 53. Kp f6 Лa6+ 54. Kp f6 Лa6. Наич.

1.

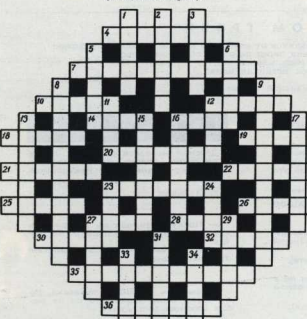

2.

КРОССВОРД

Составил А. ПАХАРЕВ

(г. Великие Луки).

По горизонтали:

4. Выдающийся русский певец. 7. Симфоническое произведение М. И. Глинки. 10. Породное тропическое растение. 12. Лесная птица. 14. Река в Мурманской области. 16. Основное направление норвежской классической музыки. 18. Кристаллическое вещество, применяемое в фотографии. 19. Зонтичное растение дубовых лесов. 20. Рубина в периодическом печатании. 21. Роман Э. Золя. 22. Вуданская племена, применяемая в строительстве. 23. Названия датского шрифта. 25. Столица союзной республике. 26. Советский ученый, разработавший метод автоматической электротранзистора. 27. Слово крупного рогатого скота. 28. Страна европейского государства. 29. Демонская племена Югославии. 32. Гостиница. 35. Один из создателей популярной национальной оперы. 36. Первый юный поэт, демократ-просветитель.

По вертикали:

1. Гидротехническое сооружение. 2. Лекарственное травянистое растение. 3. Вукта на юге южной Латвии. 5. Птица с ярким оперением. 6. Русская песня о героическом герое. 8. Поэт, современник А. С. Пушкина. 9. Автор оперы «Наиша». 11. Представитель народности, живущая на Сахалине. 12. Единица измерения силы. 13. Великий гроб. 15. Минерал. 16. Русский изобретатель XIX века, создавший механическую аэропланную установку. 17. Ученый-геолог, двурат Ленинской премии. 25. Рыба, обитающая в водоемах Сибири и Кавказа. 24. Река, на берегах которой расположена Флоренция. 27. Шерстяная пряжа. 29. Архитектурная конструкция. 31. Персонаж оперы Верди «Князь Игорь». 33. Крупный головной мозг. 34. Древний русский город.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

1. Журавль. 4. Кюленс. 11. Недоголов. 12. Орлова. 13. Атеизм. 16. Декорация. 17. Орляк. 20. Фарос. 23. Вежливца. 24. Леопард. 25. Рефрен. 26. Дюнамет. 27. «Стелла». 32. «Титан». 33. Сидней. 36. Зернов. 38. Крупова. 39. Обращение. 40. «Мальва». 41. Курано.

По вертикали:

2. Уловная. 3. Руна. 5. Дев. 6. Кабарда. 7. «Юржар». 8. «Восток». 9. Гончар. 10. Пазано. 14. Первогодичка. 15. Декорация. 18. Леопард. 19. Корыбаб. 20. Памфлет. 21. Федрат. 22. Чабан. 23. Тамара. 29. Памкина. 30. Шляпник. 31. Вешмет. 33. Иржуск. 34. «Аврора». 37. Водь. 38. Кедр.

Хорошие манеры

Поведать хочу я без лишних затей, слова подкрепляя примером, как стал мой сосед, первоуржуский Сергей, приятель и хорошим манерам. Серена отнюдь не сорвиголовая и понял, что небезопасно ласка в общем слова: «Пожалуйста!», «Будьте любезны!»

Но раз дорвабница как-то не полагалась бриси. О бонет! Должно быть, с десятком словесных действий немедля предпринять Серена. Слова извергались, как лавы поток из недра огнеридущей бездны, но что среди них обнаружилось «пожалуйста», «Будьте любезны!»

И вот, на картины глаз, приводит сосед со знакомой своей по залам большого музея.

Он вырост культурно, пройдя запад-аперю по Азии и по Европе. Означив осмотр, он пальто подает знакомой своей в гардеробе.

А после стоит, как скульптура, а велик, и видно, его не смущает, что слабой рукой гардеробщицы старик одеться ему поможет.

Культуре — привет! Этномету — почет! Но одно обидно мне все же, что так приятно димичные умасно культурный Серена.

Евг. ИЛЬИН

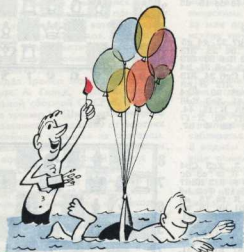
«Однажды в метро наш Серена сидел на скамье, в сардинию. Но вдруг он поднялся и сесть предложил блондинца. Всего его сразу же обомлоно и себе самому узвене, он сиромно в омянное глнгулт ствако на собственное отражение.

Серере в стекле та блондинка видна (как мило она улыбалась, но тоже видна и старушка).

«...Видна, что снова без места осталась.

«...Быть в курсе событий хотел бы Сергей.

ЮБИТЕЛЕЙ УТКИ

Рисунки Рене ОВИЯНА.

НЕЗАТЕЙЛИВЫЕ СКАЗКИ

СТЕБЕЛЕК

Где-то на задворках, в бурьяне, рос маленький стебелек с несколькими слабыми листочками.

Проходил мимо внимательный человек, заметил растение, осторожно выкопал его и перенес в сад, что находился неподалеку.

— С чего бы это стебелюшка такая чужая? — размышлял релейщик. — Возможно, потому, что со временем на нем вырастут какие-нибудь особенно ценные плоды.

Или потому, что его листья станут большими-пребольшими, как мой, — гадал лопух.

И оба хослялись в сторону сада, где, окруженная заботливым уходом, шла в рост молодая яблонька.

Улыбаясь:

А. УРЮПИН

КОМ ГРЯЗИ

Огромный ком грязи отвалился от калеса на выезде из ворот. Прохожие, подбирая полы, пересканивали через него или обходили стороной.

— Как меня берегут! — расслышал ком от гордости. — Никто даже не заденет. Разве не видишь моя истинная цена!

пос. Линнахамари, Мурманской области.

В. БОРОДИН

МАСТЕРА ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

«...Вследствие плохого учета лиц и цинклат там имели место хищения продукции, хотя планом 1969 года это не предусматривалось.»

(Из заметки в районной газете).

В. БАЛАШОВ

Г. Иванова.

«По этому вопросу прошли беседы по всем отадам. Исполнителям каждой отары имеют теплую одежду.»

(Из заметки в районной газете).

«Людей на фермы расставляли не в одиночку, а вместе с профсоюзной организацией.»

(Из заметки в районной газете).

Г. Нальчин.

А. ХОДОВ

ШУТКИ-МАДОУТКИ

Детская железная дорога в городском парке совсем нам настоящая. Есть даже вагоны «Для неухоженных».

А. ВАСЕРНИК

Г. Харьюдов

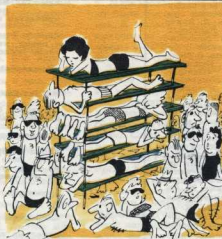
— Послушайте, как вы ухитряетесь писать о том, чего совершенно не знаете?

— А что вы думаете? Это действительно трудно!

Сиромность украшает человека. Но по всему было видно, что он не любит никаких украшений.

М. КРУТИК

Г. Москва.

КОГДА ТЕСНО.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартаконвоя, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНОМ:

Коммутатор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 2-42; отделы литературы и искусства — доб. 2-15; очерки и публицистика — доб. 3-2; ежемесячной жизни — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; информация — доб. 2-29 писем — доб. 2-53; науки и техника — Е 7-65-82; сатиры и юмора — Е 7-65-82; оформление — Е 7-51-52.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редколлегия: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кочетов, В. Л. Разумневич [заместитель главного редактора], Е. И. Рабчинюк, А. А. Сосни, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор А. Стуков.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор Н. Вудкина.

А 00290. Подписано к печати 15/VI 1961 г. Тираж 800 000 экз. Изд. № 1429. Зыбэк № 1692. Формат бумаги 70x108/16. 2,25 в. л. — 6,17 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Ночи, ночи белые

Музыка Бориса РАЙКОВА.

Слова Виктора КРУТЕЦКОГО.

Вступительный отрывок

Вступительный отрывок

Музыка Бориса Райкова. Вступительный отрывок, состоящий из нескольких тактов фортепианной музыки.

Музыка Бориса Райкова. Вокальная часть песни, включающая ноты для голоса и фортепиано.

Чей-то голос льется,
Звенит над Невой,
Хорошо под летним небом
Мне с тобой.
От тебя, любимая,
Даже звезды дальние
Ствисти не в силах ясный взгляд.
Ночи,
Ночи белые
Стань лебединою
За моей мечтою вслед летят.

Спят в туманной дымке
Дворцы и мосты.
Оттого не снится сердцу,
Знаешь ты,
Посмотри, любимая,
Как падают факелы —
Так влюбленные сердца горят.
Ночи,
Ночи белые
Стань лебединою
За моей мечтою вслед летят.

Голос дальний замер,
Но сердце мое,
Если хочешь, для тебя одной споет.
Вслушайся, любимая,
В эту песню слетаю —
Вздых сердца лишь правду говорят...
Ночи,
Ночи белые
Стань лебединою
За моей мечтою вслед летят.

Цена номера
20 коп.

